



В. ОБОТУРОВ

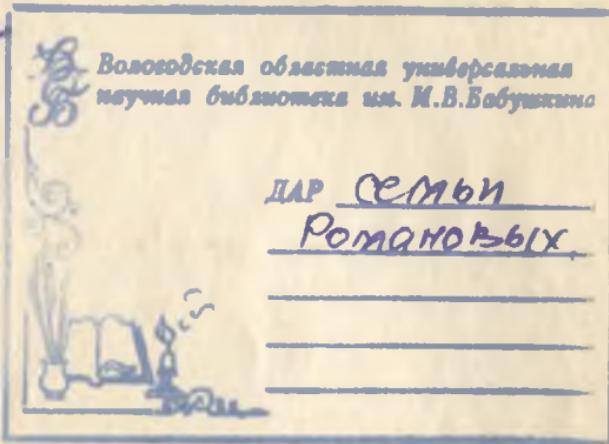
... | А
ЗЕМЛЯ
ЖИВУ

Семье
Романовых
с самого глубокого
приуважения (П.В.)

22.10.73.

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина

дар семье
Романовых.



В. ОБОТУРОВ

А
ЗЕМЛЯ
ЖИВУ

Очерк творчества
поэта Сергея Викулова



СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973

Путь Сергея Викулова в поэзии длиною в четверть века. От схематизма и облегченности ранних вещей поэт пришел к разностороннему отражению жизни народной. Его стихотворения и поэмы широко открыли двери в мир русской деревни.

В очерке жизни и творчества С. Викулова автор внимательно рассматривает различные периоды его деятельности, подробно анализирует поэмы «Окнами на зарю», «Против неба на земле» и другие произведения поэта.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мы часто ропщем на свою литературу... — писал однажды С. Маршак. — А между тем, внимательно оглядев русскую поэзию революционных лет с первых ее дней до нынешних, убеждаешься, что мы и одного дня не прожили без больших поэтов, чьими именами может быть отмечено время». Одним из таких поэтов, без учета творческих исканий которого картина поэзии второй половины 50-х и особенно 60-х годов не будет полной, представляется мне поэт Сергей Викулов.

Уже своей поэмой «Окнами на зарю» (1963), по праву ставшей рядом с поэмами Василия Федорова, Егора Исаева, Бориса Ручьева, С. Викулов заявил себя как поэт дарования крупного и самобытного, достигшего зрелой силы. Зрелость — особая пора в творчестве. По словам самого Сергея Викулова, это пора «осознания своего высокого долга, и надо исполнить его до конца, пока сердце не сковано равнодушием, мысль ясна, а рука, держащая перо, тверда и нетороплива». В исполнении долга видит поэт свое назначение. Он справедливо полагает, что «талант — это, так сказать, не только

божий дар, которым ты волен распорядиться, как тебе заблагорассудится, талант — это еще и ответственность перед народом, перед которым дерзнул ты предстать в высоком звании поэта».

Эти мысли выношены поэтом, выстраданы им. Право заявить их дают стихи и поэмы, в которых С. Викулов с достойным уважения постоянством писал о деревне, о судьбах крестьянина-колхозника. Знал он горькие дни, знал радостные, но всегда был верен себе; не по чужим рассказам, а сам дотошно исследовал жизнь деревни, остро ставил животрепещущие проблемы, от которых порой многие просто отмахивались.

А он отмахнуться не мог. «У С. Викулова, — по верному замечанию М. Лобанова, — в отличие от иных его литературных собратьев, обращающихся со своими стихами ко всему человечеству, развито чувство, так сказать, индивидуального восприятия читателя¹. Нет, он не стремился угодить всем и каждому, знал, что «глухому к земле... стихи про Фому-Ерему, сермяжные, ни к чему», но твердо надеялся:

...вы нужны,
я верю,
тому, кто в поле
упрямо растит зерно...

Поэт не обманывался. В этом мне довелось убедиться самому.

...Небольшая группа сельской интеллигенции давала самодеятельный концерт в глухой деревушке Самылово. В простой крестьянской избе (клуба не было) плотно набились люди. На скамьях мест не хватило, стояли даже в дверях. И вот зазвучали стихи Викулова. И хотя читались они не бог весть

¹ М. Лобанов. Сердце писателя. М., «Сов. Россия», 1963, стр. 218.

с каким блеском, слушались с вниманием одно за другим. Еще! Еще... Не было ни одного равнодушного лица: то улыбки, то горькие складки на лицах. Сомнений не оставалось: поэт принят слушателями, которые находили в стихах сгусток собственных, ранее не всегда до конца осмысленных переживаний. До сих пор помнится мне немолэдой бородатый мужик: он то привстанет, то хлопнет ладонями по коленкам, желая что-то сказать и не умея выразить.

Было это лет десять назад. Но и позже мне не раз приходилось наблюдать, как воспринимаются стихи Сергея Викулова крестьянской аудиторией.

Для Сергея Викулова читатель его (он же — герой) — человек близкий ему по привязанностям, по происхождению, по истокам духовного облика. Об этом родстве говорит стихотворение о родословной поэта «Оглядываюсь с гордостью назад...»:

Кто прадед мой? — Солдат
и землепашец.

Кто дед мой? — Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.

В этом заявлении — не только факт биографии, не просто декларация. В нем — позиция, утверждавшаяся в творчестве Сергея Викулова. «Стихи мои о деревне — и радость моя, и боль», — признается он.

По словам поэта А. Решетова, Викулов «единственный в своем роде, как никто из нас, неотступно, всей душой живет темами колхозной деревни»¹. Разумеется, нет оснований утверждать, что С. Викулов — фигура в нашей поэзии совершенно одинокая, сложившаяся вне каких бы то ни было традиций. Но в словах Решетова есть своя правота: своеобра-

¹ А. Решетов. Предчувствие перемен. — «Нева», 1963, № 3, стр. 194.

зие места Викулова в современной поэзии сложилось объективно, в силу исторического развития.

«Деревня, откуда революция ворбовала в ряды строителей нового общества самый многочисленный контингент и индустриальных рабочих, и воинов своей армии, и новой интеллигенции, — долго оставалась вне сосредоточенного внимания виднейших поэтов»¹, — пишет А. Твардовский и убедительно доказывает, что эта линия поэтического развития, истоки которой уходят к творчеству Некрасова, только в лице Михаила Исаковского нашла в наше время своего мастера («Провода в соломе»).

Вслед за Исаковским пошли лишь немногие: А. Твардовский, Н. Рыленков. Ряд заметных произведений о деревне дала послевоенная поэзия. Это — поэмы А. Недогонова, Н. Грибачева, А. Яшина, но в силу известных обстоятельств они не стали значительными явлениями литературы.

Преодолевая традицию бесконфликтного изображения жизни и опираясь на достижения своих предшественников, С. Викулов развивается вместе со всей советской поэзией. При этом он почти не выходит из круга деревенской тематики. Такая целенаправленность отнюдь не свидетельствует об узости его творчества. «Тема — это весь писательский мир, это весь писатель. Без темы его не существует. У каждого писателя она своя», — пишет Расул Гамзатов в книге «Мой Дагестан», и он прав, видя в теме «весь писательский мир». Тот, кто темой живет, — тот обязательно выйдет к большим открытиям.

Для С. Викулова «деревенская тема» явилась темой Родины, России. Выступая на III съезде писателей РСФСР, он настойчиво утверждал, что «литерату-

¹ А. Т. Твардовский. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 5, М., «Худож. лит.», 1971, стр. 217—218.

ра не должна отрываться от национальных корней, что писателям предпочтительней стоять на родной почве и не качаться и не уставать черпать из родника народной нравственности, национальных традиций».

Твердо стоит «на родной почве» поэт Сергей Викулов. Ясным взглядом видит он жизнь. Отсюда жизнеутверждающая сила его поэзии. Но далось это нелегко, путь поэта к зрелости не был ровным и простым.

Глава первая

ПУТЬ К СЕБЕ



От скромных послевоенных сборников до значительных поэм, которые принесли Сергею Викулову широкую известность, — таким был путь поэта к мастерству. Постижение реальной сложности жизни и усвоение поэтического опыта предшественников помогло С. Викулову преодолеть схематизм, поверхностность ранних стихов и создать выразительные страницы деревенской жизни.

Год 1945-й... Можно представить себе настроения молодого двадцати четырехлетнего человека, только что сбросившего военную форму после тяжелых лет войны. Счастьем было работать, учиться, даже если было трудно, голодно, даже если помнилось, что еще труднее живется твоим деревенским родным. Все равно это было счастье, так как пришел, наконец, долгожданный мир.. Завоеванное счастье!

И снова, как когда-то в отрочестве, слова простились в рифмованные строчки. Гордость победителя, выстоявшего вместе со своим народом в борьбе с фашизмом, находила выход в светлых, жизнерадостных стихах, пусть они были и риторичны и высокопарны.

Шли годы. А тональность стихов оставалась тою же — бездумно ликующей. Злую шутку сыграла, и далеко не с одним Викуловым, подкрепленная веяниями времени литературная традиция. Александр Твардовский позже писал: «Сама с собой — и то не смела душа ступить за некий круг. То был рубеж запретной темы...» Если уж ему было не под силу шагнуть за тот «круг», что говорить про остальных!

Один пример — в пояснение... В 1950 году Николай Рыленков опубликовал в журнале «Новый мир» поэму «Пастух» — о судьбе мужика, которого Октябрь избавил от кабалы и который в колхозе почувствовал себя человеком. На фронтах Великой Отечественной войны герой защищал завоевания революции, а в мирные дни вернулся к своему привычному делу. Типичен характер, жизненные картины, свободен стих, хотя и несколько монотонен. А вот что писал тогда об этой поэме В. Котов: «В картинах, изображающих жизнь колхозного пастуха, нет напряженного и вдохновляющего труда,

нет тесно спаянного, воодушевленного высокими идеями коллектива, то есть, по сути дела, нет красоты колхозной действительности». Особенно пугают критика рожок и котомка, как устаревшие атрибуты деревенского быта. И «пейзаж-то совершенно другой! Новый!» — с электростанцией ему нужен. Не найдя того, что ему хотелось бы, он заключает: «Безысходное уныние, грусть и тоска — вот настроение, господствующее в поэме»¹. Не многие рисковали попасть под такой разнос.

Конечно, уйти от прожитого и пережитого не дано никому. И С. Викулов, любивший деревню и ее людей, прошедший фронтовые университеты, пишет о том и другом. Свидетельство тому даже сами названия стихов: «Пастух», «Агроном», «В колхозном клубе», «Люблю деревенский рассвет», «Сенокос», «Стог», «У стен Сталинграда», «Письмо», «Встреча», «Батарея, огонь!» и т. д. А со второй книжки, которую Викулов озаглавил весьма знаменательно — «Хозяева земли» (Вологда, 1950) — он полностью определился как певец деревни. Хулили молодого автора и хвалили. Но хотя и называли его поэтом, поэтом он еще не был: написанные им в ту пору стихи не трогали сердце читателя.

* * *

Сын крестьянина деревни Емельяновская Белозерского района, Сергей Васильевич Викулов родился 26 сентября 1922 года. Вот что он сам, будучи уже зрелым мастером, рассказывает о своих детских и юношеских годах:

«Мне очень трудно было начинать.

Семья — крестьянская, не читающая, не было в

¹ В. Котов. О чувстве нового в поэзии. — «Знамя», 1951, № 1, стр. 186—188.

ней книг. Отец, прия с гражданской, ходил за плугом, вместе со всеми вступил в колхоз. Но уже тогда, в 1933 году, было нелегко. Встретился он в Белозерске со своим однополчанином — тот райздравотделом заведовал. «Что же ты, — говорит, — забыл военную специальность?.. — (А в армии они вместе на краткосрочных курсах ротных лекарей учились). — Давай в лесопункт для начала». Теперь вечерами отец подолгу сидел, заучивая латинские слова, — рецепт же по-латыни пишется. Уже через год перевели его в медпункт, в село Мегра. Там впервые мы и с Сережкой Орловым встретились. Был он годом старше. Но вскоре его семья в Белозерск переехала.

Стихи впервые писать пробовал я классе в пятом: прочел сказки Пушкина и так захотелось самому вот так же!.. Какую-то и переложил, таясь от братьев и сестер,—а их все-таки четверо!—засмеют.

Новая встреча с Сергеем Орловым в Белозерске состоялась, где я начал в педучилище учиться, а тог уж в средней школе был. Стихи пишет и даже в районной газете несколько напечатал. А я баловался, домой письма в стихах писал, шутливые, — смеху бывало... И вскоре несколько моих стихов тоже появилось в районной газете. После школы Сергей уехал в Петрозаводск, в университет, а я в армию — в Севастопольское артучилище.

Заниматься приходилось много: время было неспокойное, у западных границ уже грохотали пушки. Не до стихов было. А там и война. И на войну пришел я не поэтом, а просто солдатом, артиллериистом, в отличие от многих других, того же Орлова или Недогонова, Грибачева. А поэт видит не так, как другие. У меня же и установки другой не было: только свое солдатское дело. Конечно, думалось иногда и о стихах... Однажды попалась фронтовая

газета со стихами Сергея Орлова. Пишет все-таки!.. А для меня война — как поэтический опыт — мимо прошла...».

Всю войну, с декабря 1941 года, провел Сергей Викулов в действующей армии. Командовал взводом, батареей, был помощником начальника штаба артиллерийского полка.

Вот что о фронтовых годах С. Викулова на материале личных бесед с поэтом писал Александр Романов:

«...Девятнадцатилетний лейтенант, парнишка из ставшего вдруг далеким городка Белозерска, в составе уральской дивизии едет на фронт, под Москву, грозной зимой сорок первого. Еще у него — ни строчки стихов. Да и в помыслах этого нет. Он пока знает про себя, что он — солдат. Больше он ничего не знает. И впереди — не жизнь, а просто полыхающая стальными зарницами фронтовая ночь, и черные снега, в которых враг.

И первый бой, в реве и шараханье вывороченной земли, в ознобе и ожесточенности сердца, и первое удивление потом, что остался жив. А затем — бои, бои вплоть до Ржева, а потом краткий отдых и — на Волгу, в самый ад войны.

На гимнастерке молоденького лейтенанта уже два ордена Красной Звезды — его зенитная батарея не раз и не два намертво срезала с нашего неба крестатые машины врага. И вот здесь, на стонущих стенах от огня волжских берегах, на сталинградской черте, встала и батарея Сергея Викулова. И тогда же он, двадцатилетний, но уже повидавший и понявший многое, в краткое затишье после боя пишет заявление о приеме в Коммунистическую партию. Это было в августе сорок второго. В самый грозный для Отечества год.

Вот говорят — солдаты прошли пол-Европы. Это

полностью относится к Сергею Викулову. Он вместе со своими зенитчиками верста за верстой шел по земле Украины, а потом Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. Он шел по земле, а дорогу победе прокладывал в европейском небе»¹.

После войны Сергей Викулов учится в пединституте в Вологде вместе с Валерием Дементьевым. Оба писали, читали стихи друг другу, — другой помощи ждать было неоткуда. В 1948 году заехал в Вологду Александр Яшин. Ребята бегали, хлопотали, организовывая встречу. Яшин, молодой еще тогда, но уже признанный — «Алену Фомину» только закончил недавно, — читал свои стихи. Предложил он и молодым коллегам прочесть свое.

— Хорошо у вас ребята пишут, — сказал студентам. И к Викулову: — Вам обязательно писать надо.

Перейдя на заочное обучение, Викулов много пишет в эти годы. Кроме того, он работает в областном издательстве, затем ведет литературную консультацию в газете «Красный север», создает литобъединение.

Но к своему творчеству того периода поэт сам относится весьма критически.

«Не о том писали мы тогда, — говорил он позднее, раздумывая о пройденном пути. — Впрочем, и у Грибачева «Весна в победе» такова, и даже от «Алены Фоминой» Яшин сам отказывался, хотя Государственная премия за нее дана. И мы думали: так надо писать. О тех стихах смысла нет говорить — творчество еще и не начиналось».

¹ Александр Романов. За огненным горизонтом. «Вологодский комсомолец», 1965, 9 мая (Думается, А. Романов прав, не принимая здесь во внимание нескольких стихов, опубликованных Викуловым еще до войны в районной газете: им не придает значения, как мы видели, и сам С. Викулов. — В. О.)

* * *

Начинающий поэт видел деревню страдающую, разоренную, вдовую и голодную. Но о такой в конце сороковых — начале пятидесятых годов не писали. И он не писал, как все.

Труженики села преодолевали серьезные трудности, которые переживала деревня. И поэт, не желая видеть трудного в жизни, не мог уловить в них главного, схватывал лишь внешнее, случайное.

Не удался образ Кузьмы Изотова («Стихи о коммунисте»): не открыл нам его Викулов в конкретном действии, а общие черты биографии поколения борцов за социализм в деревне, которыми автор наделил Кузьму, не стали его индивидуальными качествами. В этом же причина слабости стихов «Бакенщик», «Пастух», «Наши спортсмены», «Агроном» и многих других. Так, в первом из них о герое сказано, что он человек «суровый, транспорта речного рядовой». Не более выразительные слова найдены и о спортсменах («молодые, смелые, здоровые, загорелые») и о девчатах («собой красавицы»).

Основное место в этих стихах занимает перечисление внешних примет действительности. Викулов не умеет еще ставить их в такие связи, в которых бы выражался смысл больший, чем в словах. Вся цель его — подвести к заданному выводу, а выводы обычно не глубоки и зачастую случайны:

Будет хлеб!.. Колхозники не тужат...

Электрическим аппаратом
Будем скоро доить коров...

Считает свои победы
И радуется народ...

Светом коммунизма наши лица
В эти дни уже озарены...

Звенят, бряцают медали, и жить хорошо... И это в те годы, когда колхозникам приходилось питаться мякиной и лебедой, когда они нередко отдавали за налоги последнюю телку, несли последнюю курицу.

Викулов, знающий деревенскую беду, не мог не чувствовать фальши в своих произведениях. Испытывая неудовлетворенность своими «деревенскими» стихами, он обращается к теме войны, но и здесь открытия не состоялось.

После поездки на Волго-Дон Викулов публикует цикл стихов о стройке в книге «Новый берег» (1952). На издание ее откликнулся в центральной прессе поэт Александр Яшин. Однако, видимо, желая поддержать своего земляка, взыскательности к нему Яшин не проявил. С сожалением отмечая, что за последние годы «в нашей поэзии появилось слишком много трескучих риторических сочинений» и указывая на ряд просчетов молодого поэта, он к достоинствам книги относит то, что Викулов «не выдумывает героев своих стихов, а старается находить их в самой нашей действительности»¹.

В волго-донском цикле Викулов еще не обретает своего поэтического «я». И здесь те же, что в «деревенских» стихах приемы создания характера, тот же опереточный тон в эмоциональной окраске событий («Парикмахерша Тоня»). Это стихи о бульдозерах, о стройке вообще, в целом, но не о конкретных людях с индивидуальными характерами.

В стихотворении этого цикла «Художник на земснаряде» художник рисует:

На первом плане — дюкерные трубы,
На дальнем — горы вынутой земли...

¹ А. Яшин. Новый берег. — «Комсомольская правда», 1954, 16 июля.

Но «сколько он ни бился... — все мертвым оставалось» полотно. И так было до тех пор, пока не врисовал он знамя, которое принесли ребята-строители и от которого

Сразу все живым казаться стало:
И рыжий берег, и вода канала,
И даже неуклюжий земснаряд.

А мне что-то не верится в это. Вряд ли и автор станет теперь настаивать на этой мысли. Интересно, что помпезная картина, нарисованная художником, внутренне близка стихам самого Викулова и выдает его собственные творческие установки тогдашней поры. Показывая процесс работы художника, поэт неожиданно реалистичен, — так ведь и рисовали тогда! Но оценка результатов была ложной: одни и те же влияния, одно и то же время породило подобные «шедевры» как в живописи, так и в поэзии, предопределив их художественную несостоительность. Заданность мысли, скованность чувств — вот что было характерно для этих произведений. А жизнь оставалась за их порогом.

Думается, именно в этом главная причина длительных провалов в творчестве Сергея Викулова, а не только в том, что «слишком скучны были его изобразительные средства, слишком он доверял прямолинейному, лобовому способу выражения своих взглядов и идей»¹. Своих взглядов и идей в его стихах в ту пору еще по сути дела не было. Их вполне заменяли расхожие лозунги. Сергею Викулову, издавшему уже три книжки стихов, надо было еще идти и идти до глубокого осознания роли поэзии в жизни.

Он учится схватывать отдельные моменты, ос-

¹ В. Дементьев. Поэзия и жизнь. Вологда, 1960, стр. 41.

ваивает новые ритмы. Нет-нет да и мелькнет в его стихах свежее народное словцо или сверкнет неожиданной гранью уже давно привычное. Однако ключ к успеху еще был не найден.

Особняком среди ранних стихов стоит одно из волго-донского цикла — «О тишине» (в первом издании — «Степная речка высохла давно...»). От его строк веет дыханием самой жизни.

Легко себе представить картину, что резко, крупными мазками набросал поэт: и экскаватор, копающий землю, шлепки которой — «как взрывы бомб», и спящего сменного мастера, что лежит «на земле устало, тяжелые раскинув кулаки». Мне представляется, что увидел поэт такой вполне ординарный на строительстве видок — и вдруг возникла невольная ассоциация:

Вот также спят солдаты на войне
меж двух атак, под рокот пулевета.

Сработал жизненный опыт — от этой мысли заискрилась другая, ставшая концовкой:

А вот случись минута тишины —
и вскочит он, как воин по тревоге!

Оставалось только дорисовать фон. Строго и скучно легли детали, доказывая, что молодым поэтом уже накоплен кое-какой опыт работы в стихе. Родилось настоящеестихотворение.

Может быть стихотворение возникло и не так, неважно. Существенно то, что это — уже поэзия. Стихотворение не просто рисует картину трудовых будней, едва ли не впервые в нем открывается человек в живом движении (изюминка, может быть, в том и заключается, что это движение — состояние сна), в конкретном отношении к делу.

До середины 50-х годов такие находки у Сергея Викулова были редкостью. Заметным рывком в творчестве молодого поэта стала поэма «В метель» (1955), и это как бы подтвердило ту мысль, что не столько бедность выразительных средств сдерживала рост поэтического мастерства С. Викулова, сколько другие причины.

Темой произведения стало обычное, рядовое событие из жизни колхозной деревни 50-х годов — уход парня из родной артели в город после службы в армии. Ничего выходящего за пределы факта в поэме нет. От автора требовалось раскрыть образ человека в одном поступке, а для этого необходимо было добиться убедительности каждого слова, каждой интонации, сделать предельно четкой роль других персонажей.

О своем герое Викулов рассказывает немного, давая понять читателю, что Степан Завьялов — парень каких много; не он первый прокладывает дорожку из деревни в город. Поэт сразу вводит читателя в обстановку, лаконично, отдельными штрихами показывает, что действие происходит в крестьянской избе зимой. Спокойная поначалу, интонация постепенно становится тревожной:

Мать сидит у окошка,
положив на колени
безучастные руки,
смотрит молча куда-то...
Так молчат в час разлуки,
примирившись с утратой.

Не бог весть какие броские приметы, но они точны, психологически насыщены: в неподвижности женщины, в руках ее «безучастных» (представляете, тяжелые, много поработавшие руки — в деле всегда, а сейчас их некуда деть от растерянности), в том, что она смотрит «куда-то», а скорее всего —

в себя, — во всем чувствуешь горе крестьянки, ощущение утраты. И как бы подводя итог в кратком отступлении, поэт подтверждает неслучайность такого настроения, усиливает инверсией, выделяя: «оставляешь ее ты, одинокую, дома...».

Рухнули мечты старой, уставшей женщины о достатке с коровой, о семейном счастье, о молодухе и внучатах. Это она слышит, как «сени охнули глухо» (чувствуете это «ох-хо»!), как Степан «отсчитал три ступени» и шагнул в «метель-завируху». В том, что последний шаг Степана из родного дома в дорожную метель видится глазами матери, ею переживается — удачная психологическая находка, убеждающая в достоверности передачи событий, в том, что — ох! — не надо бы Степану уходить! Не надо бы...

Но уходит Степан. Вот он в последний раз оглядывается на родной дом:

мать стоит у окошка,
мнет в ладонях передник.
Не видать: с сожалением
смотрит или с укором?..

Сознание вины перед матерью усиливает для Степана боль ухода, разрыва с родным, привычным. Неизвестно, что еще ждет Степана впереди, а мир, куда вышел он, неуютен, холoden, — погода совсем не радует. Естественно возникает в поэме Сергея Бикулова выразительный образ Метели, сопровождающей парня в пути. В том, как он введен и использован, сказалось следование фольклорной традиции (силы природы мешают герою совершить ошибку) — очень удачное в избранной поэтом ситуации.

Степан продолжает свой путь — «далъше, дальше деревня, ближе леса опушка», оставаясь один на

один со своей совестью. Автор, который ранее вел повествование как бы в форме репортажа, обращенного к своему герою, теперь полностью вступает в свои права. Он побуждает Степана вновь пережить минуту расставания с домом:

Нетяжелая ноша
у тебя за плечами —
сапоги, да калоши,
да мешок с сухарями,
да рубахи две комом —
те, что осенью спрятал...

«Рубахи комом» лишний раз подчеркивают торопливость сборов, а в торопливости — боязнь уступить матери, поддаться голосу совести. И такие обычно простые детали подготавливают разговор о настоящих ценностях жизни, о ее существе: «Все забрал ты из дома, только душу оставил». А душа — она во всем укладе жизни, труда, привычек — все это не забывается. «Сухие мозоли на руках ковыряя, вспомнишь скирды на поле заозерного края», — предупреждает автор и повторяет, нагнетая: «Вспомнишь... Вспомнишь!..» И слышится: «пожалеешь...».

В цепи эмоционального наступления на героя появляются новые звенья: и солдаты-сослуживцы, припомнившиеся Степану, и девушки-односельчанки, что встретились ему в пути. Интересно, что те и другие нарисованы одинаково, как реально присутствующие, и это позволяет резче почувствовать душевное состояние героя, остроту его переживаний. Поэтому даже прощаешь автору, что образы девушек и особенно сослуживцев Степана получились заданными, для них не найдено живых конкретных черточек — таких, какими наделен, например, образ матери Степана. Впрочем, образы эти второстепен-

ны, они выполняют чисто функциональную роль в поэме.

Свое основное внимание автор сосредоточивает на образе Степана Завьялова, предостерегая его и ему подобных от ложного шага, как человек, заинтересованный в судьбах деревни. Сергей Викулов оставляет своего героя на полдороге. Он жалеет его, но не судит.

А ведь тогда колхозник, покинувший деревню, считался чуть ли не единственным виновником ослабления колхозов, наряду с пьяницей-председателем — самым модным в «деревенской» литературе начала 50-х годов персонажем. Тогда и критики и писатели предпочитали обвинять простого, рядового человека, но не обстоятельства, в которые он был поставлен. Не избежал строгого суда критики и Степан Завьялов. По мнению Д. Молдавского, «мелкое шкурническое чувство»¹ определяет поступки героя викуловской поэмы. Но, конечно, прав В. Гура, указывая на необоснованность подобной одномерности оценок².

Тем не менее нельзя не почувствовать в поэме Викулова ограниченность, свойственную тогда литературе о колхозной деревне. Об условиях жизни деревни тех лет, о делах колхозных в поэме рассказывается словно бы между прочим:

Все не так, как бывало:
и дома постарели,
и достатка не стало.
И совсем не радеет
предколхоза Гордеев
о делах...

¹ Д. Молдавский. Шаг вперед. — «Смена», 1955, 1 октября.

² В. Гура. Из родников жизни. Сев.-Зап. кн. изд., 1964, стр. 68.

Сергей Викулов не был еще готов к разговору о главном, но его позиция в отношении Степана Завьялова была человечески и художнически четкой и теперь иной не выглядит, хотя теперь и стали вполне очевидными слабости поэмы.

* * *

Степан Завьялов — это еще не характер. В поэме есть только отдельные штрихи биографии, за которыми угадывается человек и которых достаточно, чтобы показать его в сложный переломный момент жизни.

«В метель» — поэма «одного переживания», исполненная в едином эмоциональном ключе. И удачной она получилась потому, что напор лирических чувств в ней преодолел и декларации, и натянутые риторические выводы, какими изобиловали ранние стихи С. Викулова. Сурово, метельно ворвалась жизнь в судьбу деревенского парня Степана Завьялова и в творческую биографию Сергея Викулова.

Когда молодой поэт писал свою первую поэму, не то что в литературе, но и в жизни еще не выкристаллизовались в своей определенности острые деревенские проблемы. Виделось одно: трудно в деревне и люди уходят оттуда. Это был результат неправильно сложившихся отношений. Но каких? Жизнь ответа не давала. Естественно, что и Викулов его не мог дать, хотя и откликнулся на голос жизни. Таков был тогда путь лучших представителей нашей литературы (вспомните, в прозе — только-только начали появляться очерки В. Овечкина, Г. Троепольского, а тот В. Тендряков, каким мы его узнали вскоре, тогда еще не родился).

Следом за поэмой «В метель» появились три новые: «Галицкого лето» (1956), «Трудное счастье»

(1957) и «По праву земляка» (1958). Хотя поэмы эти неравноценны, но все вместе они стали существенным этапом в развитии поэта. Поскольку суть жизненных закономерностей, определявших судьбу деревни, оставалась нераскрытой, единственным выходом было искать ответ в характерах людей.

Думается, образ Галинки Тюкиной замышлялся Сергеем Викуловым, как антитеза Степана Завьялова. Правда, мать Галинки, как почти любая деревенская женщина в ту пору (да и сейчас это случается нередко), хотела, чтоб дочь ее жила в городе, была докторшей или учительницей. Но сама Галинка рассудила иначе: окончив курсы, «стала комбайнерочкой».

Здесь ей каждая тропинка
С детства самого знакома.
Все здесь мило ей, привычно...
Не смогла б она покинуть
Ни вот этих чащ брусличных,
Ни дымящихся овинов...
Даже с этим бездорожьем
Ей расстаться было б грустно...

Что ж, все тут верно, и я хорошо понимаю автора, который в лирическом отступлении признается: «Я в деревне вырос тоже, мне знакомо это чувство». Однако вряд ли такое объяснение можно считать удовлетворительным: ведь Степан Завьялов ушел все-таки, а деревня и для него была родной. Значит, здесь налицо влияние более сложных обстоятельств.

Люди познаются в конфликтах. И Викулов сталкивает своих героев — молодую комбайнерочку Галинку и председателя колхоза «Отрадное» Тараса Кузьмича.

Образ Тараса Кузьмича — новое у Викулова. Вместе с ним впервые в его поэзии приходят сати-

рические тона. И пусть теперь, спустя почти полтора десятилетия образ председателя уже не представляется оригинальным — тогда так писали немногие. «Сам Кузьмич с седьмого класса на ответственных постах»: был он и начальником почтового отделения, и председателем сельсовета и колхоза, затем подался в город, возглавил артель и, наконец, снова оказался в колхозных вожаках. Невежественный, склонный к выпивке (как водится) председатель, понятно, не доверяет молодежи. Отсюда и конфликт с Галинкой.

Однако председатель неоправданно уступчив в отношениях с ней. И, не встречая действенного сопротивления, образ Галинки застывает, утрачивает живые черты.

Не убеждает и Галинкино минутное колебание в правильности решения оставаться в колхозе (банальный монолог у березки).

Очень внешне решены также отношения председателя с вышестоящим начальством. Викулов не пытается найти истоки явлений, порождающих такие типы, как его председатель Тарас Кузьмич. Анализ явлений он подменяет шаржированием характера.

Есть в поэме «Галинкино лето» и точные жизненные наблюдения. Верно подмечает поэт, пусть пока и в частностях, реальные трудности села. Назвал районный репортер морем поле, где жала Галинка. А на деле?.. «Ржи гектаров пять на угоре — вот и все оно, это море. И комбайн на таком клочке, как копейка на пятачке».

Интересно намечен образ пожилой крестьянки Алены — Галинкиной матери (позже он получит глубокое развитие).

Немало в поэме волнующих поэтических строк. Взять, например, те, что открывают повествование:

Сенокос.
Утрами росы
На покосах по колено.
У девчонок даже косы
В эту пору пахнут сеном.

Или вот — удивительное ощущение лета:

...Коростель в осоке стонет,
От реки плывет прохлада.
Урожайные зарницы
Полыхают у стожаров.
Звезды падают в пшеницу —
Не наделали б пожаров...

И все-таки в целом поэма не удалась, так как образы главных ее героев получились безжизненными, а отношение автора к ним — прямолинейным.

Поиск положительного героя — нелегкая творческая задача, но Викулов не оставляет ее решение. Она для него главная и в поэме «Трудное счастье».

Неторопливо, в нескольких главах ведется здесь рассказ о сорокалетней крестьянке, солдатской вдове Анне Павловне. Вот она дома, на ферме, в разговоре с председателем Петровым, в колхозной конторе, в беседе со старым рабочим в городе, на трибуне большого совещания в областном центре...

Автору удается бытовые подробности, позволяющие точно представить обстановку. Внешняя сторона жизни Анны Павловны передана широко, обстоятельно. Она представляется нам в тесном единстве с жизнью народной, а отсюда несомненная типичность характера:

Когда шумели свадьбы в Грядке,
И снедь валилась со стола,
И вся артель жила в достатке —
И Анна счастлива была!

Когда же кто-то с земляками
Простившись, дом свой запирал
И к окнам ржавыми гвоздями
Крест-накрест доски прибивал,
Бросал неубранное поле
И уезжал из Грядки прочь,
Те гвозди сердце ей кололи
И день и ночь...

Однако, как ни парадоксально, типичность налицо, а характера — нет. Мы просто верим, что такое было и что есть такие женщины, как Анна Павловна. Знаем, что элементарной заботы о себе они часто не видели (обиделась на председателя Петрова — дров не подвезли). Знаем больше: не настолько уж малы были обиды, чтобы легко забывались. Одни прощали, как Анна Павловна, другие — нет. И уезжали из родной деревни. «Те гвозди сердце ей кололи», — говорит автор о своей героине. Судя по поэме, трудностей в жизни крестьянки было немало. А вот в том, что «Анна счастлива была», автор нас не убеждает. В заключительной сцене поэмы — Анна Павловна на трибуне — больше энтузиазма и восторженности, нежели глубокого смысла.

Стилистика поэмы отличается обилием прозаизмов. Впрочем, это характерно для эпической поэзии начала 50-х годов. Стоит только обратиться к поэмам известных поэтов Сергея Смирнова, Сергея Васильева, Алексея Маркова и некоторых других, написанных в этот период. Для Сергея Викулова этот очевидный минус сыграл и свою положительную роль. Обращение к крестьянскому быту, к жизни в ее обыденных подробностях явились в его творчестве предпосылкой для дальнейшего, более глубокого осмысления судеб тружеников деревни в их социальном значении.

Одна из первых таких попыток — поэма «По праву земляка». Единая по своему настроению,

стройная по композиции, она четко и недвусмысленно утверждала позицию поэта, хотя и была не лишена риторики и излишнего бодрячества. Рассказывая о беде одной рядовой артели, С. Викулов работал за то, чтобы даже здесь —

В глухи медвежьего угла
Плотинам,
спутникам,
ракете
Жизнь ответственна была!

Поэт полагал, что «все есть для этого, лишь надо расправить крылья — и лететь». Не знаю, лукавил ли он или всерьез так думал, что его герой, городской посланец, заняв в колхозе председательское кресло, перевернет хозяйство. Колхозники, во всяком случае, на это надеялись, — они давно устали от бесхозяйственности, от неуверенности в завтрашнем дне. Однако, насилино мил не будешь, и незлюбимую работу успешно выполнять невозможно. Вот и герой поэмы Викулова не смог: особого рвения в деле он не обнаруживал, — скорее отбывал день за днем, как повинность, свою новую и чуждую для него службу.

А беда, между тем, росла: дичали поля, зарастали лесом. Причина, казалось бы, проста:

...просто стало меньше рук.
Одни, что рады б постараться,
Взмахнуть секирой под кустом,
Давно уже в могилах братских
Уснули, сложены крестом.
Другие, те, что возвратились, —
И это нет нужды скрывать, —
Другие руки опустились,
Уставши беды бедовать...

Такое явление было повсеместным. Теперь-то достаточно заглянуть в статистический справочник, чтобы убедиться в этом. А тогда мало еще кто ви-

дел размеры беды и тем более мог вскрыть ее корни. Провидцем не оказался и Викулов. Но надо отдать ему должное, он не судит, а по-человечески понимает тех, чьи «руки опустились». И одно было ему уже ясно со всей очевидностью: причины состояния дел в деревне, того, что жизнь колхозника далеко не на уровне века, надо искать в руководстве сельским хозяйством.

Герой Викулова, с которым колхозники отставшего «Маяка» связывали столько надежд, не оправдал этих надежд. Поэт не скрывает своего сарказма по отношению к обанкротившемуся председателю, который сдает собранию артельную печать:

Точную характеристику председателю дали и сами колхозники, не без горького юмора подметив, что «он ни домом, между тем, ни даже собственною ложкой обзаводиться не хотел!».

Не веря, что и в другом месте человек, зараженный безразличием, может быть полезен, С. Викулов окончательно развенчивает своего героя:

Приняв смиренно осужденье,
Он вновь отыщет бережок
В богозабытом учрежденье,
Коль бог ту заводь бережет.
Получит стол, и стул, и ящик
И будет так же, как вчера,
На исходящих и входящих
Прилежно ставить номера...

Хотя огонь в поэме С. Викулова направлен односторонне, чему есть объективные исторические причины, нельзя, однако, воспринимать «По праву зем-

ляка» как просто поэму о тридцатицентаврнике. Это — страстное произведение о тлетворности администрирования, бюрократических методов руководства, об ответственности каждого перед обществом. Работа над этой поэмой послужила для Викулова хорошей школой, явилась заметным шагом к гражданской зрелости поэта. Она определила и на будущее его творческий путь как путь поэта-публициста.

* * *

Отдав щедрую дань бойкой риторике и декларациям в конце сороковых и в первой половине пятидесятых годов, Сергей Викулов, как и многие поэты, с тем большей настойчивостью отказывается от такого «наследства» в последующие годы. Книги «Хорошая будет погода» (М., «Советский писатель», 1961) и «Деревьям снятся листья» (Вологда, 1962) являются свидетельством нового этапа в творчестве поэта.

Программным, на мой взгляд, стало стихотворение «Живу на земле» (1958). Поэта восхищают наши космические успехи («Как прапорщик камушки — ракеты швыряет в небо человек»), тем более, что совершает их народ, по замечанию поэта, «не чей-нибудь, тот самый, к какому я принадлежу». И все-таки слова — «какая тема для поэта!» — звучат несколько иронично. И риторическим восклицанием воспринимается вывод автора — его реакция на эти достижения:

Так что ж я все-таки, упрямый,
Не в небо — на землю гляжу?
Печалюсь, если где-то что-то
Еще не так, как быть должно:
Тут не осушено болото,
Здесь осыпается зерно.
А там, за Тотьмой, бездорожье
Такое же, как в старину...

Понимая, что успехи в космосе готовятся на земле, в том числе и за счет тех материальных ценностей, которые создает колхозная деревня, поэт ратует за то, чтобы и здесь люди жили наравне с веком. Отсюда его прямая ориентация на публицистику: «Я на земле живу. И надо мне все же под ноги глядеть!»

Имея уже значительный опыт работы на деревенском материале, Сергей Викулов уверенно продвигается шаг за шагом в исследовании жизненных проблем, в освоении образа нашего современника. Стихотворение «Живу на земле» является характерным для последующего периода его творчества как по своей структуре, так и по содержанию. Есть в нем необычное для раннего Викулова прямое провозглашение программы. А в целом оно воспринимается, как маленькая сценка из деревенской жизни. Таких сценок, жанровых зарисовок, рассказов в стихах в те годы Викуловым написано немало. Как реализация его поэтической программы, складывается своеобразный стихотворный жанр, в сущности своей повествовательный.

Любое из таких произведений имеет четкий сюжет, последовательно развивающийся, и завершенную композицию. В одних случаях это рассказ о каком-то характерном событии или явлении деревенской жизни («Бани топятся», «Шефы приехали», «Деревенское собрание», «По ягоды», «Выбирали пастуха» и т. д.), в других — набросок характера («Песня о друге», «Уполномоченный», «Закурить да бежать», «Когда женится друг», «В доме отдыха» и др.), в третьих — постановка какой-то существенной деревенской проблемы («Парни», «Мать и дочь», «Перед дорогой» и т. п.). Разумеется, такое деление условно, по преобладанию тех или иных элементов в стихотворении.

Стихи С. Викулова полны непридуманных бытовых подробностей, включают в себя диалог, живой и непосредственный, передающий не только особенности северорусского, вологодского говора, но раскрывающий наиболее яркие черты характеров персонажей. В своих стихах поэт светло и непринужденно, как человек, знакомый с деревней не по наслышке, а сам знающий практически любую крестьянскую работу, рассказывает о напряжении сельского труда, о непрятательных деревенских радостях. «Деревенских идиллий и сам я терпеть не могу», — заявляет Викулов. В то же время он восторгается светлым летним дождиком:

Начнет он — не сразу расслышишь.
Вдруг капля слетит — замечай:
Как будто бы пяткой о крышу
Ударит комар невзначай.
Помедлит — и снова ударит...
А рядом начнут топотать
Четвертый, десятый комарик,
Пятнадцатый... Не сосчитать!
Лежиши, околдован, как сказкой,
Дождя комариною пляской
И запахом сена
Медовым...

Увлеченно рассказывает Викулов и про «праздник бабьего набега за клюковой на болото», и про тяжелый труд в страду, когда «гудит спина, как телеграфная струна от ветра», и про деревенское собрание, выборы пастуха и т. д.

Особенно знаменательно, что в стихах конца пятидесятых годов у Сергея Викулова складывается свое понимание «героя». В «Песне о друге», посвященной кузнецу Ивану Шилову, по-видимому, реальному человеку, обращаясь к нему поэт говорит:

Ты хотя не идеальный
Для меня, — а все ж — герой!

А герой этот и с фронта пришел, как многие, увечный, а не увенчанный, и над брошюрой засыпает, да и пьет он не «одну лишь воду, кипяченую притом», а чаще наоборот... Но Викулову важно другое. Коль кузнец не остается в стороне от жизни, от забот, которыми живут люди, служит им, он, по мнению автора, несмотря ни на что, имеет право быть литературным героем. Не «заземленность» героя, а значительность рядового человека труда утверждает С. Викулов в полемическом пафосе. Не прославление Героя, вознесенного над толпой, видим мы в стихах поэта, а пристальный, уважительный интерес к трудовому человеку. Из таких, как Иван Шилов, и складывается народ-созиадатель. «Я в твоем широком взмахе нрав России узнаю!» — восклицает поэт, наблюдая работу кузнеца Шилова. Таков, в сущности, и неприметный характер старого конюха Тараса («В доме отдыха»).

Однако далеко не всегда любовно отношение Сергея Викулова к изображаемым им людям. Он порой ироничен, подчас в его стихах появляются сатирические тона и краски. Тогда, например, когда речь идет об уполномоченном из конторы «Утиль», что командирован «по части молока», но не замечает людей, через чьи руки это молоко течет. Или вот другой пример, когда поэт пишет о деревенском мужике, в котором видится ему человек, не отвечающий идеалам трудового крестьянства. Таков в его стихах мужичок по прозвищу «Ну, закурим — да бежать».

Этот крестьянин, за суетливостью скрывающий свою леность, не симпатичен Викулову. Вот потому и стихотворение, созданное по народным мотивам на основании деревенского анекдота (а скорее — сказа, притчи, потому что анекдоты в деревенской среде крайне редки, наверное, в силу бытования тра-

диционных форм фольклора), написано в насмешливой, даже саркастической манере, что позволяет еще ярче раскрыть комизм характера героя.

И тогда, когда поэт пишет о людях, ему симпатичных, он не отказывается от улыбки в своих стихах, умело используя в этих случаях комизм ситуации, как, например, в стихотворении «Когда женится друг». ...Парень работает на пахоте вторые сутки, потому что его дружок «в разгар страды жениться вздумал». Новое, сложившееся за годы коллективной жизни, отношение людей к труду и отношения людей в труде — вот что в этом стихотворении является предметом пристального интереса поэта.

С. Викулов очень внимателен к переменам в деревне, нередко пишет о них. Любопытно в этом смысле стихотворение «Парни», композиционно распадающееся на две части. Особенno колоритна первая из них, в которой каждое слово на месте и несет максимальную нагрузку, любой троп надежно служит тому, чтобы передать эмоционально напряженную атмосферу события. Этому же способствуют инверсии и резко диссонирующие перебои ритма.

Таких выразительных деталей не нашел поэт, рисуя день сегодняшний. Нет во второй части и той экспрессии в стихе, как в начале. Однако мысль проводится верная: быт переменился, характер «культурного досуга» тоже.

Интересно рассказывает С. Викулов о демократизме сельской сходки («Деревенское собрание»), подмечая каждую особинку бригадного собрания, а главное то, что «тут речей не произносят», но «как навалятся все вместе, как поглаживать начнут против шерсти, против шерсти — взмокнешь весь за пять минут!». Здесь Викулову удалось передать характер массы в целом. А в другом стихотворении-сценке «Выбирали пастуха» поэт выделяет отдельные столк-

нувшиеся в конфликте характеры. Он мастерски ведет диалог, пластично включая речь персонажей в свое повествование, и это помогает ему ярче раскрыть своеобразие характеров колхозников: и упрямство Анны, объясняющейся оглядкой на традиционные устаревшие мнения, и новое отношение к общественному делу, свойственное бригадиру.

Нельзя не отметить емкости, неоднозначности, проблематичности многих стихов С. Викулова. Вот, например, стихотворение «Мать и дочь». По объему в нем всего каких-нибудь семьдесят строк, а по содержанию — это целая повесть. Здесь не только обстоятельно, в точных деталях, с извечными хлопотами и заботами по хозяйству описан вечер в крестьянской избе, но и убедительно передано настроение хозяйки. Алена, что называется, запарилась — «не до чаю пока». И понятно, что она «злится: палец о палец не ударила дочь!». А ведь женщина только что пришла с работы, и дома столько дел.

В стихотворении мы видим двух людей — мать и дочь, два характера. Причем характеры не плоские, живые, хотя Зоюшка и видится лишь в представлении Алены: «Ни к чему-то у девки душа не лежит. Как заслышил припевки, бросит все, убежит».

Что это, девическое легкомыслие? Наверное, нет. Не случайно же Алена думает о том, что Зоюшка «чужому порадеет скорей». Судя по словам самой девушки, отношение к домашним делам у нее определяется вполне принципиальными причинами:

Жить по-вашему, мама,
в наше время — смешно.
Глянь, что пишут в газетах:
к коммунизму идем!
Вам же —
только и света,
что в хозяйстве своем.

Вам кусок бы поболе
да покрепче запор...

Казалось бы, налицо современный конфликт матери-накопительницы, человека отсталых привычек, и дочери, которая душой приняла новое время! Но конфликт, думается, гораздо глубже. Не от жадности же бьется Алена в домашних делах, не оттого бранит бригадира, что мешает он ей раздуть личное хозяйство до размеров кулацкого. Не дал он ей запастись сеном — и теперь «зиму долгую снова пробивайся, как хошь...». Поэтому и безразлично ей, что «репродуктор рокочет в доме» и что «в клубе кино началось уже». Ей не до этого! Работа в колхозе и вечные хлопоты с домашним хозяйством ей и вздохнуть не дают.

Не знаю, может быть, С. Викулов хотел дать конфликт людей с противоположным отношением к жизни. Получилось иное: уважая женщину-крестьянку, женщину-труженицу, сочувствуя ей, поэт очень точно рассказал о ее трудной доле. Этим уважением к Алене определяется и отношение к дочери: симпатии она не вызывает. И каким суесловием, какой черствостью выглядит ее отношение к матери, какое в нем полное непонимание жизни!

Стихотворение тем выразительнее, что, рисуя один вечер в избе крестьянки, поэт достигает предельной картинности стиха.

Подхватила подойник —
и во двор...
В кулаки
зажимая ладони,
потянула соски.
Вжик!..
— Да стой же ты, дура! —
Тихо, мирно кругом.
Но Аленина дума
о другом...

Стилистика всего повествования выдержана в нес собственно авторской речи. Выражая мысли крестьянки, Викулов пользуется словами, целыми фразами, для ее речи свойственными: «как недобитый поросенок, кричит», «ни к чему-то у девки душа не лежит», «пробивайся, как хошь» и т. д. Все это и создает впечатление художественной цельности, исключительной точности и емкости повествования.

Такие стихотворения С. Викулова — своеобразное явление в нашей поэзии. В них Викулов складывается как поэт эпический, взявший на себя добровольную тяжелую ношу — быть летописцем современной деревни. Работая над стихотворными новеллами, он готовит себя к новой большой работе. И вот новая поэма появилась.

* * *

Поэма «Преодоление» (1961) вызвала значительный интерес критики. Одному критику поэма позволила всерьез оценить Викулова, понять, «какой это самостоятельный и оригинальный поэт»¹. «Тем и сильна поэма, — подчеркивал другой, — что на каждой ее странице слышен голос народа»². Писалось также, что поэма — «произведение сильное и острое, хотя и не всюду равно выразительное»³.

Сейчас уже ясно, какой рискованный шаг делал тогда поэт. Хорошо зная трудности в деревне той поры, понимая во многом их причины, Сергей Викулов попытался создать образ положительного героя, который находит пути преодоления ошибок. Таким

¹ В. Шошин. Ответственность поэта. В кн.: «Время. Пафос. Стиль». М.—Л., «Наука», 1965, стр. 162.

² А. Горелов. Преодоление... В кн.: «Герой современной литературы». М.—Л., «Худож. лит.», 1963, стр. 334.

³ Н. Кружков. Свет и тени жизни. — «Огонек», 1962, № 26, стр. 26.

героем в поэме стал Валерий Бочаров, молодой агроном, избранный председателем отстающего колхоза.

В пору, когда поэма появилась в печати, поговаривали, что прототипом Бочарова был Михаил Григорьевич Паракин, агроном, недавно закончивший институт, избранный председателем колхоза имени Калинина на Никольщине. Деловитый, инициативный, жестковатый, несмотря на молодость, он взялся за работу рьяно, с душой. В это время, видимо, и встречался с ним С. Викулов. Чуть позже, когда этот колхоз влился в другой укрупненный — имени Пушкина — и стал производственным участком, а Паракин — его начальником, он утратил былой пыл. Правда, вскоре Паракина перевели председателем в другой колхоз, но пережить первый порыв вторично ему не довелось. Героя не получилось — просто хозяин средней руки, тянувший служебную лямку, честно тянувший, и только... Но все это, повторяю, было позже.

Герой викуловской поэмы оказался счастливее. Он познал радость победы — так в поэме показано во всяком случае.

С. Викулов рассказал о выборах Валерия Бочарова председателем (зимой) и о первой его самостоятельной весне. Полгода — срок небольшой. Но за это время молодой герой обрел доверие односельчан, пережил столкновение с бывшими бригадирами — Фомичами и вышел победителем. Любовная линия поэмы сводится к тому, что учительница Лариса, которая нравится Бочарову, выходит замуж за офицера — жизнь в глухи ее не прельщает. Но содержание поэмы выходит за рамки сюжета: многочисленные публицистические отступления, письмо героя отцу, бытовые сцены расширяют картину, создают впечатление глубины, размаха.

Поэт подчеркивает основную тенденцию сельской жизни конца пятидесятых годов:

Межу берегом частным
и колхозным
на части
так и рвется изба!

Конечно, народ живет теперь лучше, чем в первые послевоенные годы, и Викулов отмечает эти перемены. Но люди устали от неразберихи в руководстве. И на смену истине, рожденной в пору коллективных успехов, которую высказывает Авдотья — «дело всякое — костер. И чтоб в нем огонек не потух — нужно всем в один уголек дуть дружно!», приходит другая — скептическая. Ее высказывают в иносказательной форме молодому председателю мужики: «Загасил да плюнул — попробуй, засвети».

Обезличка, безответственность, отсутствие на земле настоящего хозяина — вот что порождает недоверие колхозников.

За деревню выйдешь летом —
рожь, к примеру, у ручья.
Рожь... а ржи-то, брат, и исту...
Чья работа? А ничья,
Наша! Некого похаять...

В результате хлебороб лишен чувства законной гордости, радости за свой труд. Это усугублялось проявлениями волонтизма: компанейщиной, администрированием.

Район «хромал». И руководство
«в борьбе за мясо-молоко»
то жало на животноводство,
то, что есть сил, на птицеводство,
сбивая с толку мужиков.
А то, забыв про все иное,

взывало: надо штамповать
горшки из торфоперегноя,
дабы начать преуспевать...
Едва свалили с плеч обузу,
взялись за дело веселей, —
приспел поход за кукурузу,
за государыню полей...
А вот уж кто-то новым делом
увлечь колхозы норовит
(на гениальные идеи
иной, как кролик, плодовит)...

«Гениальных идей» было в достатке, не было только порядка на земле. С исключительной гражданской смелостью, с резкой публицистической прямотой высказал С. Викулов эти свои горькие раздумья в поэме еще задолго до последнего самого знаменитого похода «за государыню полей» в 1961—1962 годах.

Волюнтаризм в руководстве сельским хозяйством проявился не только в заметных хозяйственных просчетах, но и в характере отношений с колхозниками.

Поэтому вполне закономерен вывод, к которому приходит С. Викулов в своей поэме:

...веру в дело — вот что страшно —
убили в сердце мужика.

Поэма привлекательна более всего своей публицистической остротой. И хотя названа она «Преодоление», сила поэта значительно ярче проявилась в отрицании порочных методов руководства колхозами, чем в положительной программе его героя. Жизнь еще не давала материала для утверждающих тенденций. Потому и не удалось поэту органично связать публицистическую и сюжетную линии, — они существуют в поэме изолированно друг от друга. Заявка — показать преодоление молодым

героем колхозных трудностей — была заманчива, но реализовать ее С. Викулов не смог.

В герое поэмы Валерии Бочарове немало живых черточек, однако в действии он показан слабо. Любовная линия не только не обогащает поэму, но приносит в нее налет мелодраматизма, банальности. Есть в поэме и другие явные следы литературщины, проникшей в нее, несмотря на то, что в главном поэт шел несомненно от жизни.

И все-таки при всех своих просчетах поэма «Преодоление» — большой шаг вперед в творчестве поэта. В поэме интересен бытовой колорит, разнообразны ритмы, богаты языковые средства — сказалась школа работы над стихотворными новеллами. И самое главное — это тесная связь поэмы с жизнью, что и обусловило ее своеобразие.

* * *

Книги «Хорошая будет погода» и «Деревьям сняться листья» — вторая из них включила почти все поэмы С. Викулова, в том числе и «Преодоление», — дают возможность судить о месте их автора в русской советской поэзии.

С очевидностью открывается близость С. Викулова с теми поэтами, кто пишет о деревне. Критика в этой связи упоминала вскользь имена М. Исаковского и А. Твардовского. Следует назвать также и Н. Рыленкова. Как предшественники С. Викулова, они помогли ему в поэтическом освоении материала.

Но такая помощь необходима только на первых порах, а позже роль каждого из этих поэтов в творческой судьбе Викулова определяется особо.

Думается, опыт М. Исаковского помог С. Викулову выработать в себе ощущение постоянного об-

новления жизни, способность улавливать и раскрывать приход нового в убедительных деталях. От Исаковского идет и юмор некоторых стихов Викулова («Когда женится друг»), использование частушки в поэме «Галинкино лето». Однако далеко зайти влияние М. Исаковского, лирика и песенника, на поэта эпического склада С. Викулова не могло.

Н. Рыленков, хотя писал он и поэмы, и повести, и пьесы, по преимуществу тоже лирик. Природа, любовь, сельский труд — его традиционные темы. Картины природы, которые он создает в стихах, «не просто фон, а само действие. Пейзаж, рисуемый художником, всегда в движении. Сама природа принимает участие в радостях и печалах народных»¹. Эта сторона лирики Рыленкова хорошо усвоена Викуловым. Он смог пойти даже дальше: показать не только единство человека и природы, но и влияние природы на формирование психического склада личности.

Своеобразие психологии крестьянина-труженика одинаково привлекает Рыленкова и Викулова. Их роднит уважительное отношение к хлеборобу, к его опыту.

Кто землю сам пахал, тот за столом
Разрежет хлеб, не уронив ни крошки...
Я тоже в поле вырос и окреп,
Шел не прохожим по родному краю.
И по тому, как люди ценят хлеб,
Себе друзей в дорогу выбираю.

В этих строчках Н. Рыленков подметил нечто очень существенное в народном мироощущении, что открывается только человеку, кровно связанному с людьми труда. Эта связь — постоянный источник творчества и для С. Викулова. Но если «дела, мыс-

¹ Е. Осетров. Певец родной земли. — «Молодая гвардия», 1959, № 2, стр. 229.

ли, чувства советских людей чаще воплощены в поэзии Н. Рыленкова в форме лирических раздумий» даже в поэмах, то у Викулова, напротив, — в эпических формах.

Традиции Александра Твардовского в поэзии Викулова прослеживаются полнее и глубже, может быть, потому, что эпическая форма одинаково близка тому и другому. «Если бы дарованию С. Викулова не были присущи ирония и юмор, некоторые его стихи были бы, пожалуй, по-некрасовски печальны, — писал поэт А. Решетов. — ... Важные стилевые черты и даже до некоторой степени юмор в его стихах как бы подсказаны уже новым литературным явлением — поэзией А. Твардовского. Поначалу, в ранних произведениях Викулова, это влияние было явно недостаточно опосредовано, оно представляло, что называется, на поверхности. По мере углубления Викулова в свои, новые для нашей поэзии темы, его речь стала обретать самостоятельность: внешние признаки, заимствованные признаки стиха перестали бросаться в глаза. Их перекрывают другие, более органичные и глубинные качества.

И все же следы влияния обнаруживаются и теперь, например, в поэме «Преодоление»².

Да, в «Преодолении» влияние А. Твардовского еще сказывается. Заметим, к слову, как в одной из глав мужики заканчивают разговор:

Ладно. Все сказали вроде,
не забыли ничего.
Может, даже лишку с пылу
что-то ляпнули, прости.

¹ А. Македонов. О стихах Николая Рыленкова. — «Звезда», 1960, № 1, стр. 201.

² А. Решетов. Предчувствие перемен. — «Нева», 1963, № 3, стр. 194.

Мы ж к тому, чтоб легче было
воз-то на гору везти.

Тут нет категоричности, интонация раздумчива, и звучит грубоватое самооправдание, так свойственное для крестьянина после крутого, слишком откровенного разговора, — вот что сближает Викулова с Твардовским. Но это уже такие связи, когда об ученичестве говорить не приходится.

В поэме «Галинкино лето», например, зависимость проявляется гораздо проще, откровеннее. Поэтому, наверное, и не удалось до конца сатирический образ председателя Тараса Кузьмича. Есть также известное сходство повествовательных стихов-сценок, жанровых зарисовок С. Викулова со стихотворными новеллами А. Твардовского. Таковы, например, зачины, непосредственно, сразу вводящие в действие. Вот как начинает А. Твардовский свое знаменитое стихотворение «Ленин и печник»:

В Горках знал его любой.
Старики на скодку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали...

Или возьмем у него же стихи «Про Данилу» («Дело в праздник было, подгулял Данила...»), «Про теленка» («Прибежал пастух с докладом к Поле Казаковой...»). А вот начальные строки стихов у С. Викулова: «Шло собрание бригады...», «Прибежала с работы в избу, как на пожар, надо...» и т. д. Сходство между теми и другими стихами — в обязательной сюжетности, возникающей от стремления схватить момент жизни в развитии, в противоречии. Своеобразие же стихов С. Викулова проявляется в большем интересе к повседневному быту колхозников, к ситуациям конфликтным, которые рождены

сегодняшним днем быстротекущей жизни, в языке более приближенном к речи героев.

С. Викулов заимствует и отдельные стилевые черты и композиционные приемы стихотворных новелл А. Твардовского предвоенных лет. Но он хочет быть предельно точным и конкретным в бытописании и потому отказывается от сказочной условности, которая есть у Твардовского («Про Данилу»).

Однако если бы учеба ограничилась только внешними заимствованиями, Викулов никогда бы не выбился из подмастерьев средней руки в мастера. Он воспринимает главное, что есть у Твардовского: его демократизм, сказавшийся не только в выборе героев, но и в стиле произведений, его гражданскую страсть и утверждающий пафос. Эти черты нашли позже своеобразное преломление в поэмах С. Викулова, когда он, по очень верному замечанию Решетова, углубляется «в свои, новые для нашей поэзии темы». Уже в «Преодолении» определенно наметилась такая новизна.

Есть еще один момент, который сближает Викулова с Исаковским, Рыленковым, Твардовским, — общий для всех интерес к народному поэтическому творчеству. Пытаться устанавливать какую-то определенную зависимость их друг от друга в этом весьма рискованно: фольклор пришел в жизнь каждого из этих поэтов одинаково, с колыбели.

И профессиональный интерес к народной поэзии проявился у Викулова довольно рано. Еще в 1952 году в Вологде был издан составленный им сборник частушек. Правда, время наложило на книжку свой специфический отпечаток: «послевоенная деревня выглядела здесь краем всеобщего довольства, процветания и ничем не омраченной радости»¹. Дума-

¹ Ю. Буртин. О частушках. — «Новый мир», 1968, № 1, стр. 219.

ется, поэт слышал частушки не только такие, как эта:

Старый месяц на исходе,
Новый нарождается.
Кто живет теперь в колхозе,
Ни в чем не нуждается.

Но показательно уже то, что С. Викулов сам собирает частушки.

К началу пятидесятых годов относятся и попытки Викулова освоить поэтику фольклора. Нечто от сказки пробивается в его «Княжице». Поговорка («у бога дней не решето») полемически обыгрывается в «Страде». По народным мотивам написано стихотворение «Закурить да бежать». На ритмы и темы современной частушки создано стихотворение «Не видать ее одной». В ту пору этот жанр народной поэзии пользуется особым вниманием поэта.

Частушечные наигрыши звучат в стихотворениях «Как немного сердцу надо...» и «Что ты рвешь свою гармонь...», сделанных по канонам песен М. Исаковского. Интереснее, с большей самостоятельностью поэтика частушки использована в «Девчатах». Дробь перепляса пересыпается в самом ритме стихотворения: девчонки в пляске «словно семечки, частушки сыплют под ноги друг дружке до полуночи почти». Здесь Викулов показал бытование частушки, связь ее с жизнью народной. А в концовке стихотворения он ломает привычный ритм, приближая его к разговорному, и своеобразно перекраивает частушку («девяносто песен знаю да и дома два мешка...»), чтобы выразить радость, переполняющую его юных героинь:

Ходят улицей знакомой.
И у каждой для дружка
Песен сто с собой
Да дома —
Под завязку — два мешка!

По мере того, как крепнет дарование поэта и определяется его интерес к поэме, он все реже берется за частушку, которая ближе к лирическим жанрам книжной поэзии. Осваивая в стихе разговорную крестьянскую речь, С. Викулов с растущим интересом прислушивается к пословицам и поговоркам. В ранних его поэмах они мелькают лишь изредка и то в прямом, «цитатном» использовании. В «Преодолении» пословицы и поговорки занимают уже более заметное место. А в последующих поэмах С. Викулов добивается органичной, наполненной жизни фольклорных форм в системе своего стиха.

В начале шестидесятых годов поэт с особенной настойчивостью обращается к фольклору — духовному наследию русского крестьянства, размышляет о его месте в жизни современной деревни и в культуре наших дней. Раздумья поэта находят отражение в его стихах «Бабушкины песни», «Русские сказки» и других.

«Бабушкины песни» — это рассказ о бытовании народной песни в крестьянской среде. Подчеркнуто обыденны детали обстановки (бабушка Алексеевна «входит в валенках со двора», «из подойника молоко льет в посудинки, дужкой брякая»), и песня возникает естественно, как бы рожденная самой этой обыденностью, которую она освещает поэтическим светом. Достигается это включением обращения, характерного для сказки в форме своего рода припевки:

Под жужжанье веретена —
прядись, ниточка, прядись, тонкая.

«Несспешная и негромкая», песня «выпрядается, бесконечная, вместе с ниткой из кужелька». Песня эта о княжне и Ваньке-ключнике переживается бабушкой как нечто личное — в ней раздумье «о злосчастной своей судьбе».

Вот это личное, обнаруженное в народной песне, поэт видит и в сказках, хотя стихотворение «Русские сказки» и написано им совсем в иной манере — в форме размышления, публицистически заостренного. В нем возникает обобщенный образ русского человека, внешне темного и забитого, но озорного, с бойким умом:

А он, дурак, был вовсе не дурак!
В своем углу, где крепок дух овчинный,
он хохотал над барами, да так,
что тухли, в стенку воткнуты, лучины
и лопались застежки на портках!

Раскованность ума, свойственная лучшим представителям народа в прошлом, привлекает Викулова и в людях современной колхозной деревни. В стихотворении «Есть у нас в селе Иван...» в своем герое поэт больше всего ценит его бескорыстность и безоглядную прямоту. Без таких любое собрание «словно тесто затворили, а дрожжей не бросили», потому что у многих еще в силе оглядка. Но «прения без шума у нас таки редки». Такие люди, как Иван, становятся не одиночками. Поэт отмечает это, как обнадеживающий момент в жизни деревни: крестьянин-хлебороб обретает собственный голос.

С настойчивостью размышляет С. Викулов о своей собственной причастности к судьбам крестьянства («Стихи мои о деревне...», «Своей тропинкой», «Моя родословная»). Раздумывая о предках, землепашцах и солдатах, поэт с гордостью говорит о их месте в истории России, о том, что и сам он — сын землепашца и солдата. Сменив плуг на перо, он сохранил в себе душу крестьянина с его привязанностью к земле, с любовью к деревенскому труду. Это предопределило постоянство творческих интересов поэта.

Глава вторая

«...ТЫ ВСЯ НАЧАЛАСЬ С ДЕРЕВЕНЬ»



Крупно и резко поставил Сергей Викулов самые актуальные для начала шестидесятых годов вопросы жизни современной колхозной деревни в поэме «Окнами на зарю» [1963]. В ней полно воплотились идеально-художественные принципы поэта и его представления об общих тенденциях развития села, недвусмысленно высказано отношение к былому и ныне происходящему.

УДАЧЕН, даже необходим выбор формы повествования — от первого лица, к которой раньше — вот так, впрямую, — С. Викулов прибегал крайне редко. Поэма биографична в лучшем смысле этого понятия: частное не заслоняет от поэта главного, отбор материала определяется не сугубо личными пристрастиями, вкусами, но самим объектом изображения и осмысления. Не произошло при этом, к счастью, и насилия над действительностью в угоду расхожим надуманным схемам, как это у нас в литературе нередко случается.

Рассказчик — сын землепашца, покинувшего некогда деревню, но мечтавшего вернуться на родную землю. Свое намерение отец не успел осуществить — погиб на войне, оставив сыну светлую память о себе.

Герой поэмы — зрелый человек, памятливый историк и вдумчивый социолог, глубоко заинтересованный в судьбах деревни, с которой он тесно связан с детства. Это она, деревня, с ранних лет привыкла его к труду («Впервые бороздку проложил я, наверное, лет десяти. В тот же год я имел уже косу по росту, не сбиваясь, умел в пять щепов молотить»). У нее учился он «премудростям чести, прямоте». Ей благодарен он и «за сказки ее и за песни». Более того, поэт утверждает:

Та деревня
понятие гордое — русский! —
в полной мере она осознать мне дала!

В характере мироощущения С. Викулова есть заметная близость с А. Твардовским, который пишет:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла,

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

(За далью — даль)

Сходство не удивительно: оба поэта пришли в большую литературу от одного начала. Говоря словами Твардовского, «мы все — почти что поголовно — оттуда люди, от земли». Оба имели за плечами традиции народной крестьянской культуры, отразившейся в устном поэтическом творчестве, в ремеслах и прикладном искусстве.

Чувства Викулова к деревне иногда противоречивы, но всегда согреты искренностью. Как ни странно может показаться на первый взгляд, но особая верность переживаний, их непридуманность подкрепляется тем, что поэт не скрывает своей грусти об уходящей старой деревне. Напротив, эта прямота побуждает проникнуться уважением к рассказчику:

Не могу я,
по памяти, словно по лугу
проходя,
наступать на цветы не могу!

Пристрастность поэта оказывается условием его убедительности. Только тому, кто любит и помнит народные песни с мальчишеских лет, могут они припомниться так: «Как ливень в округе, из-под радуги ливень! И гром в вышине...» А как пишет поэт о хмельной разудалой пляске: «Коли бросило в круг, надо пол проломить, или о пол разбиться, или высечь огонь каблуком о каблук!» И с каким восторгом изображает он деревенские праздники, когда «коны летели по кругу, пронося, словно радугу, полем дугу...».

Даже в этом:

Не умела деревня — характерец чертов! —
ни в пол сил работнуть, ни в полгорла хлебнуть, —
слышится восхищение рассказчика.

Этот дух русской удали восхищал и А. Твардовского:

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой —
Тот горделивый жар особый,
Что — бить — так бей,
А петь — так пой...

(За далью — даль)

Конечно, далеко не во всем можно разделить восторги лирического героя викуловской поэмы, но понять его можно. Ведь почти вся жизнь послеоктябрьской деревни протекала на его глазах, прошла сквозь его сердце. Отсюда страстная сыновняя заинтересованность в судьбе отчего дома.

Любовь Викулова к деревне не слепа, она проникнута ощущением родства прошлого и настоящего, как бы они между собой ни разнились. Он, разумеется, ясно понимает, что «к старому нету возврата». И не заклинание ретрограда звучит, когда он обращается к России, а выношенное убеждение:

...И когда я кричу,
что деревню люблю — это значит, Россия,
я тебе в этом чувстве признаться хочу!
Ты иная сегодня. Ты в космос врубилась...
Но и громом ракетным встречая свой день,
я хотел бы, Россия, чтоб ты не забыла,
что когда-то

ты вся началась с деревень.

Поэт выходит к читателю, в широкий мир пол-предом лучших людей деревни. Это и дает право от

их имени обращаться «на ты» к самой России. Обращаться тогда, когда некуда деться «от зрелой памяти своей» (А. Твардовский). А память порою диктует горькие страницы, но и очищение несет, без которого нет веры в будущее. За Александром Твардовским — ему более других обязана советская поэзия наших дней раскованностью, прямотою отношения к острым жизненным проблемам — ведет Сергея Викулова его гражданский темперамент.

...Сюжет поэмы несложен. Рассказчик везет сына в деревню, чтоб тот узнал, наконец, что «заглавной фигурой у хлеба не пекарь, не короной увенчанный продавец». Рассказчик — свой человек в деревне: едет запросто, не в гости — гости летней деревни в тягость,—а покосить у родных. Привязанность его к своим сельским родственникам деятельна, и это не может не вызвать к нему симпатии. Но, разумеется, поездка в деревню — повод лишний раз увидеть, что там к чему сегодня, поразмышлять...

Поэт смело исследует историю становления колхозной деревни во всех противоречиях, которые раскрываются и в лирических отступлениях, и в судьбах гербов. Любовно рисует С. Викулов картины труда и быта. Живописны в поэме пейзажи. Память поэта сохранила многие приметы прошлого. И все это складывается в подвижную, динамическую картину, создает впечатляющий образ деревни.

С. Викулов убежденно и страстно полемизирует с теми, кто не хочет замечать трудностей в современной деревне и кто смотрит на нее как бы со стороны. А поэту тряская ухабистая дорога напоминает путь на Берлин — и не случайно! — «здесь бескровный, но яростный катится бой»:

...стучат молотки здесь у каждого дома,
и моторы дымят, и в ходу топоры...
Вот что значит — деревня!

А вы мне: солома,
да коровы еще, да еще комары...
Здесь в безмолвных озерах свирепствуют щуки,
обжирается спелой малиной медведь.
Взять корзину бы в руки. Но заняты руки:
осыпается рожь. И пшеница как медв...
И «скрипит», припотов, допотопная бабка
на льняной полосе. Как-никак человек...
Вот что значит — деревня!
А вы мне: рыбалка,
да с малиною чай, да на сене ночлег...
Здесь по три да четыре избы на посаде,
здесь по десять девчонок на парня в бригаде.
Здесь проблема разлуки да скуки сейчас
Есть одна из великих проблем для девчат.
И не диво. До клуба порой от избушки
не дострелиши из пушки: и лес и ручей...
Вот что значит — деревня!
А вы мне: частушки,
да любовные вздохи, да скрип дергачей...
Нету старой деревни! Кого нам обманывать?
Моргунка тоже нет. Уработался. Спит.
Нет! И строит деревня сегодня
все заново:
избы, клубы, дворы, психологию, быт.

Викулов отчетливо видит своего противника, человека с идиллическими представлениями о деревне, и знает, что ему противопоставить. Конечно, есть в деревне и свои нехитрые радости. Но ведь от идиллии всегда очень недалеко до потребительского отношения к жизни, а оно поэта возмущает. Отсюда его наступательность, стремление сказать всю правду о деревне. И разве не обязывает к этому образ бабки, припотовшей на льняной полосе?! Позиция поэта — позиция гражданина, сознающего свою ответственность за дела на земле, стремящегося и в других пробудить эту ответственность.

Старой деревни больше нет. Нет в ней и того мятущегося мужичка-собственника, который гадал когда-то, быть ему в колхозе или не быть. Все это оста-

лось в прошлом. Иные явления определяют теперь судьбы села и крестьянства.

Облик современной деревни противоречив, и главное в ней — вот эта «стройка невидная», которая «в ряду тех великих... есть великая самая», и ей больше всего нужны рабочие руки, «молодые при том и влюбленные в эту стройку», а «не только прорабы, да проекты, да планы».

Сергей Викулов явственно представляет всю грандиозность предстоящей работы и ее значение. Помочь в этой работе — его поэтическая задача. Поэтому нежелание видеть село таким, какое оно есть, во всей сложности противоречий, он расценивает, как равнодушие, как нежелание участвовать в строительстве новой деревни. Отсюда — полемическое начало в поэме. Поэт осмысливает прошлое, чтобы в настоящем не повторить старых ошибок. Этим и определяется всепроникающий историзм произведения.

* * *

Интерес к истории — распространенное явление в поэзии конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. С. Викулов в своих исканиях идет в общем русле, находя самостоятельные решения.

«Всеобщее стремление художественно осмыслять широкий круг жизненных явлений, показать действительность в ее сложности, в столкновениях и борьбе»¹, — считает Е. Осетров характерной особенностью поэзии начала шестидесятых годов. Он прав, однако поиски в этом плане в жанре поэмы начались значительно раньше.

Пятидесятые годы прошли под знаком таких крупнейших произведений, публиковавшихся частя-

¹ Е. Осетров. Синтез современности. — «Вопросы литературы», 1965, № 2, стр. 21.

ми, как «Середина века» (1943—1956) Владимира Луговского, «За далью — даль» (1950—1960) Александра Твардовского, «Признание в любви» (1952—1959) Михаила Луконина. Уже были известны читателю к этому времени своеобразные поэмы А. Про-кофьева, В. Федорова, Я. Смелякова, Б. Ручьева и других поэтов. В шестидесятые годы появляется много новых самобытных произведений эпического жанра, обогативших поэзию социалистического реализма.

Романтикой комсомольской юности пронизаны «Строгая любовь» (1955) Я. Смелякова и «Прощание с юностью» (1961) Б. Ручьева. Обращенные к минувшей войне, «Кровь и пепел» (1963) Ю. Марцинкевича и «Суд памяти» (1962) Е. Исаева звучат, как предостережение. Публицистическим звучанием близка «Суду памяти» поэма Р. Рождественского «Письмо в XXX век» (1964). Обе эти поэмы проникнуты мыслью о современности, как и поэма «Ланжюмо» (1963) А. Вознесенского, где эта мысль реализуется в единстве центральных образов — России и Ленина. Социально-философским характером поэмам Луговского, Исаева, Марцинкевича, Вознесенского родственны «Проданная Венера» (1956) и «Седьмое небо» (1968) В. Федорова, «Богатырь» (1961) В. Цыбина. К культурно-исторической тематике обращаются С. Наровчатов — «Василий Буслаев» (1960) и И. Драч — «Вишневый ветер» (1963).

Многообразие в темах и жанрах определяет и разнообразный характер стилевых исканий в жанре поэмы. Интерес к конкретной бытовой детали проявляют Смеляков («Строгая любовь») и Ручев в «Любаве» (1962), сюжетной поэме, отмеченной свежим юмором. Детализированное письмо, глубокая психологическая разработка характеров отличают поэмы «Седьмое небо» и «Кровь и пепел». В свою

очередь, в «Седьмом небе» есть и элементы условного, что сближает эту поэму с произведениями Исаева и Драча, в которых широко использованы фантастика, гротеск, символика.

Оригинальны и такие поэмы, появившиеся в середине шестидесятых годов, как «Моя родословная» Б. Ахмадуллиной, «Власть сердца» С. Поделкова, «Против неба — на земле» С. Викулова, «Чегемская поэма» К. Кулиева, «Обугленная граница» М. Луконина. При всей непохожести многочисленных поэм, созданных поэтами разных национальностей, с большой отчетливостью проявились и черты сходства между ними, которые не ушли от внимания критики.

Одна из таких существенных особенностей — историзм поэм. «Верность исторической правде, отсутствие желания как-то приукрасить и сгладить трудности и противоречия, с которыми пришлось столкнуться простому советскому человеку, — отличительные черты этих поэм», — замечает П. Выходцев, подчеркивая при этом в них еще одну грань: «соотнесение рассказа о прошлом с насущными проблемами современности». Отсюда критик выводит, в частности, то, что «основную композиционную нагрузку во всех этих поэмах несет личность поэта»¹.

В одних случаях обращение к прошлому служит непосредственно осмыслению исторических судеб народа — например, в поэмах Кулиева, Наровчатова, Драча. В других — у Исаева, Вознесенского, Федорова — историзм является средством исследования проблем современности. Обе эти тенденции имеют место и в произведениях, поэтическим материалом которых стала деревенская жизнь.

¹ П. Выходцев. О времени и о себе. — «Нева», 1961, № 3, стр. 188—190.

Большим достоинством поэмы «Признание в любви» М. Луконина критика сочла «восприятие истории как автобиографии»¹. Впервые у нас в поэзии жизнь деревни в связи с историей всей страны представлена в такой широкой панораме — чуть ли не за целый век. Как пояснил сам автор, «поэма эта — мое признание в любви к своей земле, к жизни, к Волге, к людям. В ней — долгий путь нашего народа к свободе. Это все пережитое мной, моим отцом и матерью, в ней опыт нашей жизни, все личное от самого детства». Связь с современностью в поэме — самая общая; по-существу, это произведение — историческое по жанру. Аналогичным оказывается «взгляд из сегодня»² в поэме о коллективизации А. Поперечного «Черный хлеб», по своему значению, конечно, куда более скромной, чем «Признание в любви».

К изображению деревенской жизни нередко обращается и В. Цыбин, но добиться единства истории и современности ему не удается. В первой книге поэта «Родительница-степь» (1958) серьезностью видения жизни отличается поэма «Бабье лето». Как отмечает В. Огнев, это — «поэма правдивая, хотя и несколько замкнутая в узкие рамки сосредоточенного чувства, без горизонта, без эха, отраженного в мире большем, нежели та самая деревня, где мается обездоленная бабья душа, где тоскует по счастью ее здоровое тело»³. На узость взгляда в этой поэме повлияла и времененная замкнутость. В другой своей поэме — «Две крови» (1962) В. Цыбин обращается

¹ С. Львов. Признание в любви. — «Литература и жизнь», 1960, 14 февраля.

² Г. Красухин. Поэмы последних лет. М., «Знание», 1964, стр. 26.

³ В. Огнев. У карты поэзии. М., «Худож. лит.», 1968, стр. 100.

к коллективизации. Близость к поэтике Павла Васильева — пластика стиха и психология характеров — помогла изобразить накал классовой борьбы в деревне. Но и у Цыбина тот же взгляд из настоящего в прошлое, что у Луконина и Поперечного. Обратной проекции — на современность с учетом исторического опыта в поэме «Две крови» нет.

Взаимопроникновение времен — характернейшая особенность поэмы А. Твардовского «За далью — даль», непосредственно проявившаяся в главе «Две кузницы» и не только в ней. «Поэт, выносив в своем сердце определенное представление о будущем, будет на наших глазах допрашивать прошлое и искать доказательств в настоящем»¹, — писал А. Макаров по поводу поэмы Твардовского, перефразируя слова Белинского. Путешествие по дорогам России не завело поэта в деревню, — туда он обращается только горькой памятью.

Трудности пути, пройденного страной, более всего отразились на деревне. А. Твардовский выразил это «в символическом образе тетки Дарьи, олицетворении народных бед и долготерпения», — отмечает В. Гусев, подчеркивая, что «образ дается лирически», что «перед нами не портрет, а настороженный, открытый трепет «авторского чувства»².

А. Твардовский неставил цели детально разобраться, что довело тетку Дарью до жизни такой, — он дал общий глобальный ответ. Но опыт «Страны Муравии» и других произведений поэта о «великом переломе» в деревне не был забыт поэтами.

На одну из особенностей лирики Твардовского указывает В. Дементьев. «Чувства людей сельского

¹ А. Макаров. Идущим впослед. М., «Сов. писатель», 1969, стр. 87.

² В. Гусев. В середине века. М., «Сов. писатель», 1967, стр. 239—240.

мира, переживших всемирно-исторический процесс ломки прежних устоев, мучительно трудное вызревание нового общественного уклада, — пишет он, — сильнее оттенялись эмоциональной памятью человека, запахами, звуками, красками деревенского детства¹. Это открытие поэта нашло продолжателей в лице едва ли не всех тех поэтов, кто на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов обратился так или иначе к теме коллективизации, в том числе в лице Кулемина и Викулова.

«Противоречия времени пропущены в поэме через судьбу героя, через личность автора»², — замечает М. Синельников по поводу поэмы Василия Кулемина «Отец» (1962). Образ лирического героя, человека, лично причастного к судьбам деревни с детства до последних дней, преломляет все события и в поэме Викулова. Но не только это сближает Викулова и Кулемина с Твардовским. Оба поэта творчески восприняли опыт работы над произведениями о коллективизации, усвоив достижения большого мастера с учетом высокой гражданственности и партийной взыскательности его поэмы «За далью— даль».

Жизнь села находится в центре внимания поэмы В. Кулемина «Отец», «лирически нежной и вместе с тем мужественной по силе и остроте заключенной в ней большой суровой правды»³, и поэмы С. Викулова «Окнами на зарю». Разумеется, нет в этих произведениях тех масштабов, что у А. Твардовского, но есть скрупулезнейшее исследование

¹ В. Дементьев. Насущный хлеб поэта — слово. — «Наш современник», 1972, № 2, стр. 116.

² М. Синельников. Под голубым шатром России. — «Москва», 1967, № 12, стр. 206.

³ М. Алексеев. Однополчане. М., «Сов. Россия», 1967, стр. 190.

«деревенских» проблем. Оба поэта воспринимают их не изолированно, а во взаимосвязи и потому добиваются объективности в изображении жизни. Обращаются они и к опыту таких людей, как тетка Дарья, чьи ответы на любой вопрос, по словам Твардовского, «всего ценней». Все это и позволяет утверждать, что именно Кулемин, несмотря на определенные различия его творчества и творчества Викулова, ближе других поэтов к нему по характеру историзма.

Сергей Викулов к истории становления колхозной деревни обратился не впервые. Еще в 1957 году он написал поэму «Конек на крыше», рассказывающую о пути мужика в колхоз. В ту пору, когда колхозы переживали труднейший период своего экономического развития и когда многие колхозники заколачивали окна и двери своих домов и уезжали «на сторону», поэт убеждает читателя в жизненности колхозного строя.

Конек на крыше, по меткому определению поэта, это —

...идол крестьянской удачи —
И вера, и бог мужика.

Викулов, хорошо чувствуя поэзию деревенского быта, находит в коньке ту сквозную деталь — образ произведения, через который передает особенности переломного момента в жизни крестьянина.

От детали-символа поэт идет к историческому обобщению. Используя двуплановость, которая заключена реально в этом образе, рожденном народной фантазией, Викулов пластично переводит действие на конкретную почву крестьянской жизни. Мужик и конь рисуются в бытовых, реалистически определенных подробностях, но тем не менее это образы обобщенные, сознательно лишенные поэтом

индивидуальности. Викулова интересовало главное — судьбы крестьянства в коллективизации, и он хорошо понимал, что без предыстории нынешнего колхозника сегодняшней его судьбы не уяснить.

В книге «Хлеб да соль» (М., «Сов. писатель», 1965) поэмы «Конек на крыше» и «Окнами на зарю» очень правомерно встали рядом: одна дополняет и продолжает другую, и обе объединены идеей утверждения колхозного строя. «Конек на крыше» — это и предыстория поэмы «Окнами на зарю».

* * *

Обращаясь в прошлое этой своей поэмой, Сергей Викулов ищет причины, которыми порождены трудности в деревне и в результате которых произошло отчуждение крестьянина от земли. Думается, не прав Н. Якушин, когда утверждает, что «Викулов иногда упрощенно решает вопрос о виновниках упадка хозяйства колхоза»¹, якобы сваливая всю вину на председателя Степана да уполномоченных. Ответ на этот вопрос диктуется логикой художественного исследования всей поэмы.

Размышляя, поэт обращается к земле, как к существу одушевленному:

Он ли, пахарь, тебя разлюбил, обленяясь,
ты ль над ним вековую утратила власть, —
неизвестно. Но ясно: какая-то жила
между ним и тобой в ту весну порвалась.

И поясняет:

Слишком много на эту неслабую жилу
было в те времена удалого нажиму...

Но можно ли говорить о лени тех, «кто знал себе цену, кто в удаче на свой лишь хребет уповал»?

¹ Н. Якушин. О людях, о земле и хлебе. — «Север», 1966, № 6, стр. 153.

Ведь в пору, когда уже шли слухи о колхозах, отец рассказчика строит хлев, новый овин, не боясь, как многие, что зря — не для себя («Пона强壮ну старатель, мол, силушку гробишь, все колхозное будет! — пророчил сосед»). Нет, он не боялся перемен, полагаясь на свой здравый смысл и опыт: «Коли дело пойдет, я, как старый журавль, не отстану от стаи...» От стаи он тогда не отстал, но через несколько лет уехал из деревни.

С. Викулов ироничен, полемизируя с расхожей, ничего не объясняющей точкой зрения о лени музицкой, о вековой власти земли и т. д. Образом отца он подтверждает свою правоту.

Нажим на крестьянина начался еще в те времена, когда более всего нужна была осторожность, — в период коллективизации. В 1922 году В. И. Ленин писал: «*Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина...*» И подчеркивал: «*Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред*»¹.

Эту мысль не раз повторял и Сталин, но на практике о ней зачастую забывали, что приводило к неизбежным осложнениям.

В поэме Викулова мы видим, как Кирюха-матрос, который «учился на флоте уговаривать контру», безоговорочно требует: «Чтобы на сто процентов, не меньше! Вот так!» И в житейском обиходе, и в литературе сложился тип размашистого, безоглядного в своей решительности, даже разухабистости, человека; флотские — нередко полуанархистские — методы тоже были общеизвестны. Поэтому поэт точно рассчитывает на ассоциативную активность читателя: три категоричных утверждения в одной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38, стр. 200—201.

краткой тираде Киюхи — и создан образ бездумного деятеля. В убежденности ему никак не откажешь, но считаться с тем, что требует реальная обстановка, он не умеет.

В нескольких строчках поэт набрасывает характеристику тех бурных событий в деревне:

за полночною сходкою новая сходка.
Поначалу без баб — так велось искони, —
а потом, чуть прослышишат, бегут и они.
Соберутся — потеха! Что крику! Что реву!
А о чём — не опишешь сегодня пером...

Поэт слегка утрирует картину: она воспроизводится как воспоминание человека, давно все это пережившего, когда уже все стражи той поры стерлись. Ну и что там, подумаешь, лошадь отдать или корову на общественный двор отвести; теперь такое волнение о некогда собственной лошади — «запряжет кто-нибудь не спросясь — и айда!» — забавно, не более. Но Викулов помнит, что эти «мелочи» в свое время были для крестьянина вопросом жизни.

Нет, не зря «бычились пахари лбами и жгли до рассвета табак». Не случайно предостерегали они: «не распаривши дуги-то гнете». Викулов соглашается с ними, когда заключает:

непростая задача: минуя предбанник,
прямо в баню попасть. Было все-таки так.

Поэту удалось схватить самый характер крестьянского мышления и мировосприятия: в крестьянской поговорке и авторском комментарии политическая мысль обрела плоть и выразительную силу.

О том же писал Василий Кулемин в поэме «Отец». Правда, он вспоминает себя мальчиком и события рисует так, как виделись ему — мальчику.

«Что-то вдруг в тебе переменилось, словно бы меня ты разлюбил...» — замечает мальчишка об отце. Но скоро понимает, в чем дело: отцу не до него теперь.

До петухов собранья
Начались с посулов и угроз.
А к чему? Ведь решено заранье,
Что организуется колхоз...

Отчетливо ощущается здесь корректировка мальчишеских воспоминаний взрослым человеком и предрешенность вопроса о создании колхоза — вне зависимости от намерений мужиков. Примечательная деталь: уполномоченный Петрович, рабочий из города, убеждая в необходимости решиться на объединение, сравнивает колхоз с большим колесом: «маленькое — крутится на месте, а большое — р-раз! И понесло...». А на чей-то вопрос, исполненный чувства собственного достоинства: «Мы-то кто же, спицы в колесе?..» — он «кричал, что кулаки, как волки, кто, мол, ихним голосом запел...» Обычный в те времена прием...

Впрочем, В. Кулемин не грешит прямолинейностью в развертывании характеров, — этим во многом определена значительность его поэмы. Она, «несмотря на некоторые нераскрытия автором места, все же крупна и нова по тем основным вопросам, которые автор переосмысливает в ней по-своему», — пишет поэт Д. Ковалев и подчеркивает: — Образ человека нашей деревни в ней значителен и внутренне очень сложен. Его противоречивость и верность земле увидена так, как мог увидеть сам себя советский крестьянин с высот сегодняшнего дня»¹.

Петрович у Кулемина — фигура противоречивая.

¹ Д. Ковалев. Молодость пришла поздно. — «Москва», 1963, № 5, стр. 212.

Крутой по характеру, он не лишен человечности, но неровен в отношении к людям:

Волею неведомой влеком,
То мягчал душою в горе нашем,
То стучался в душу кулаком.

И последний штрих в его образе. Когда была опубликована статья И. Сталина «Головокружение от успехов», утром «все узнали: ночью застрелился наш уполномоченный в селе». Такой поступок, смысл которого не доступен, конечно, пониманию ребенка, свидетельствует о напряженной внутренней жизни героя и его совестливости. А вот еще одна любопытная деталь: отец читает при народе статью, в очках. Это, видимо, редко бывало: из-за них «папа будто отдалился, стал с уполномоченными схож». Из-за них ли? Вряд ли бы ребенок помнил такое, если бы очки были единственным признаком отчуждения.

Викулов, как и Кулемин, подчеркивает противовесственность того, что к голосу мужика не прислушались, в результате чего и наметился первый серьезный момент отчуждения от колхоза. Но он дальше и глубже исследует результаты этого про-маха.

Первым председателем колхоза у него в поэме стал безлошадник Степан. Две-три черточки характера, его деловых качеств, метко найденный жест— и достоверный портрет создан:

Страсть был какой боевой!
Вел дела неказисто. Зато неустанно
раздувал на планете «пожар мировой».
Говорун был, частоха! Начнет о навозе,
а закончит пожаром... Аж горло сорвет...

Ответственность оказалась Степану не по силам: председателю, помимо всего прочего, нужны еще

и хозяйственныe способности. Кстати, и в поэме Кулемина герой о своем отце, который был избран председателем в своей деревне, как бы ненарочно, мимоходом обронил: «Был он раньше мужиком не цепким», хотя никакого вывода из этого замечания автор и не сделал. Но почему в поэме Викулова руководителем только что в муках родившегося колхоза стал именно Степан? Да крепкий мужик, настоящий хозяин, и не мог быть допущен до власти теми же «кирюхами», потому что в силу самостоятельности характера раздумывал, колебался и зачастую из-за этого в глазах «кирюх» оказывался если не кулаком, то подкулачником (прямые ссылки на это есть и у Викулова и у Кулемина).

Припомним еще одно свидетельство — повесть-хронику Сергея Залыгина «На Иртыше». Степан Чазов — единственный потенциальный руководитель новорожденного колхоза, середняк — оказался выселенным за то, что у него есть свое достоинство, свое разумение в разных вопросах (пусть иногда в чем-то и ограниченное). Другие кандидаты на пост председателя колхоза в селе Крутые Луки — или Фофан Ягодка, старательный хозяин, но слишком увлекающийся человек, или Павел Печура — родной брат Степана из викуловской поэмы, только более честный и умный: он понимает свою неспособность руководить общественным хозяйством.

Следовательно, председательство Степана — во все не случайность: в цене были не хозяйственныe способности человека, а прежде всего — политические. Это не трудно понять, если учесть сложную обстановку, определяемую борьбой с кулачеством. Но мужикам не безразлично, что их председатель Степан живет не заботой об артельном хозяйстве, а оглядкой на начальство. Примечательно, что выдавая «громобойную речь» на колхозном празднике,

Степан «косил на районного гостя взгляд... И видел, что речью доволен был гость».

Правда, поначалу мужики прощали недостатки своего председателя. Колхоз начинался живо, азартно. Викулов с увлечением рассказывает о том, как «новь свои утверждала в деревне законы»: здесь и радость коллективного труда с общей для каждого заинтересованностью и ответственностью («В стенгазете, бывало, такую картину поместят, словно выстрелят в совесть в упор!»), и отказ от былых предрассудков («Нету рая на небе — и в щепки иконы!»), и жажда знаний, охватившая всех («за партой рядом с молодайками — дед!»), и возможность трудиться каждому («открыты детясли — работайте, жинки!»).

Все это позволяет поэту сделать категоричный вывод о том, что крестьяне

...Не жалели о старом.
Дескать, дружно — не грузно,
а порознь — беда!

Народ убедился в преимуществах коллективного труда на деле, поверил, что «беде уже нету дороги назад».

Но ведь это было только начало. Будущее зависело от руководителя. А председатель...

Он не то что в колхозе —
в своем же дому
что куда положил да закинул — вовеки
не припомнит, бывало... А вышло ему
помнить все и за всех!

Что же оставалось Степану, кроме как всегда ссылаясь на «занятость»! А хозяйство постепенно хирело, и...

наверно, по этой причине в артели мужики, завершая не третий ли год, без почтенья уже накладными вертели и не в поле глядели, а в свой огород.

Аналогичную ситуацию отмечает и Василий Кулемин:

Время поднимать приспело пар,
А хозяин повязал метелки —
И айда до света на базар.

Да, так было. Перегибы в ходе коллективизации, отсутствие конкретного руководства колхозами привели к тому, что колхозники утратили интерес к общественному хозяйству, к земле, стали покидать деревни.

С особенной болью звучит у Сергея Викулова рассказ о расставании с родными местами, где все дорого, все памятно: и поле, где батька пахал, а мать лен дергала, и подсеки за рекою, которые жег отец. Все напоминает незамысловатые подробности былого, например, случай в подсеке, откуда, спасаясь от пожара, суматошно вылетела тетерка:

...ширяя крылами
дым горячий,
она пролетала над нами.
Батька глянул, жалея, ей вслед тяжело
и промолвил:
— С гнезда сорвалась. Припекло.
И застыл пораженный.
И долго глядел он
на огонь, навалившись на кол обгорелый...

Вряд ли понял тогда мальчишку тяжкую думу отца.

Однако эпизод этот, наполненный глубоким смыслом, вырастает в двуплановый художественный символ большой выразительности, в котором второе, дополнительное значение, возникающее в

подтексте, и является главным. Это главное — вынужденность ухода из деревни, боль расставания с ней для настоящего хлебороба.

Уходу людей, особенно молодежи, из деревень, способствовала и сама бурная эпоха великого строительства. В то время, когда село начинает приходить в упадок, —

Страна избянная
и гордо и просто
в те года расставалась решительно с прошлым...
Что там плуг, борона! Что овины да хаты,
Коли есть Днепрогэс!...

Интересна перекличка с Викуловым Ярослава Смелякова в одном из поздних его стихотворений. Негромкий, но пронзительно точный образ нашел он для того, чтобы по достоинству оценить подвиг деревни в ту пору, ее безмерный вклад в дело индустриализации страны. «Затишье перед первой пятилеткой» вспоминает Смеляков. Тогда, —

Чтоб ей вперед неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжелой индустрии¹.

Была огромная необходимость строительства, и крестьянин, недавний собственник, нынешний колхозник, отлично понимал это: «с радостью даже ребят провожали... А сыны не жалели себя для страны». Тем временем деревня пустеет, ведь бывшие крестьянские дети «теперь приезжали в село только летом, чтоб выйти — и грудь наголо, чтобы, пыль подметая штаниной широкой, подарить деревенщи-ну модным фокстротом...».

¹ Ярослав Смеляков. Новые стихи. — «Литературная газета», 1972, 22 марта.

Викулов с точностью воспроизвел не только процесс изменения классового состава общества (явление, в целом, безусловно, положительное), но и его отрицательные последствия. Сложилась своеобразная общественная психология, в которой не осталось места для былого уважения к труду на земле, к профессии хлебороба. А тут еще над крестьянином жупел «собственника» довлеет. В результате к концу тридцатых годов в деревне появилось сознание неравенства с «горожанами», к тому же сознание, подкрепленное вескими доводами.

Поэт вспоминает, как он сам тогда, молодой еще, приезжал в деревню и красовался, наплясывая белозерского «ленчика» в церкви и читая чужие стихи:

и особенно хлестко
про паспорт серпастый.

Ритм железный скреплял я движеньем руки,
доставал из штанины свой паспорт и хвастал,
хвастал так, что глотали слону мужики.

В этой сегодняшней до предела обнаженной откровенности и горечь, и стыд за былое, и сочувствие мужикам, которым в ту пору пути из деревни уже не стало. Но почему необходимо было силой держать?! Историю судить трудно, тем более— общественные настроения былого времени. А тогда:

...не все, на беду, понимали вполне,
что достоин с Героем любым наравне
встать и тот, кто к земле пуповиной прирос,
кто великою верою верил в колхоз!..
Верил он,
хоть ему причиталось в излишке
за работу порой только палочки в книжке...

Василий Кулемин о той поре вспоминает глухо, мимоходом обронив одну горькую по своему содержанию деталь:

...всегда мне нелегко от слов,
Что отцу из города большого
Я везу плоды его трудов...

Какова же была стойкость тех, кто оставался на земле! Вера этих людей в будущее страны, свидетельствует С. Викулов, доказана десятилетиями бескорыстного труда. Их усилиями (не менее значительно, чем делами покинувших деревню) укреплялась «железная сталь» России, на их труде (как и на труде тех, кто ковал победу в заводских цехах) Родина держалась в тяжелую годину войны. И тогда «суровый оратай... не ныл, не стонал, не искал виноватых, а работал! За сына. За мужа. За брата. Отдавал он войне все, что поле рожало — до зерна, до куска...».

Трудно жила деревня и в послевоенные годы. Сложилось своеобразное явление: в представлениях тех, кто оказался неспособен руководить сельским хозяйством, собственная беспомощность трансформировалась в неспособность крестьянина самостоятельно работать на земле. Значит, надо помочь, заставить — мысль-то какая простая! И ринулись на деревню толпы толкачей:

Кто картошку едал, все брались мужика
просвещать, наставлять и толкать под бока.
И пахать-то его обучали и сеять,
понукая при этом его, ротозея.

Такое неуважение к сельскому трудовому человеку отнюдь не способствовало улучшению дел в колхозах. Да и что можно было ожидать от тех, кто впервые попал в деревню «из конторы «Утиль», например, из музея». С. Викулов беспощаден в своем сарказме, направленном против подобных «знатоков». Он резко протестует против практики нажима, толкачества, которая ни к чему хорошему привести не может.

Казалось бы, дело прошлое: партия уже осудила подобные методы руководства. Но Викулов знает, что рьяному администратору, у которого, кроме начальственного пыла, за душой ничего нет, избавиться от них не так-то просто. Вот поэтому и защищает поэт достоинство колхозника («И туманит глаза тракториста обида, — не марались бы вы... Отступили б чуток...»). Снова и снова повторяет он важнейшую для него мысль:

хлебороб — он же издавна знает:
мать-сырая земля не от сводок рожает —
от любви неизменной!
В ответ на любовь
отдает она людям зеленую кровь!

Эта публицистическая мысль — одна из центральных в поэме. В том, чтобы восстановить хлебороба в хозяйственных правах, пробудить в нем угасшее чувство хозяина земли, дать ему развернуться, видит Сергей Викулов корень и начало перемен, примеры которых он настойчиво ищет в жизни.

Уже в первой половине шестидесятых годов, еще до мартовского (1965 года) Пленума, Сергей Викулов находит четкие приметы обновления деревни. Он видит, что обстановка на селе постепенно меняется, что теперь «стучат молотки здесь у каждого дома, и моторы дымят, и в ходу топоры...». И съезжаются люди из глухих уголков на центральные усадьбы колхозов. Обычной теперь стала такая картина:

Трактор улицей прет, тянет сани большие.
И горой на санях бревен меченых воз.
Кто-то дом перевозит.
Видать, на отшибе
под завязочку, как говорят, нажилось...

Конечно, поэт понимает необратимость времени: «железно ступает страна» и, как бывало когда-то, «не будет деревня такой многолюдною... — не те времена». Но главное-то в другом: Сергей Викулов отмечает наступление нового дня, врезаясь в глубину социальных сдвигов, всматриваясь в психологию людей, сегодняшних обитателей деревни.

Поэма густо населена. На восемнадцати журнальных страницах — более десятка персонажей. Склонный ранее к развернутым описаниям героев, С. Викулов впервые добился краткости и четкости в раскрытии общественно-психологического содержания их характеров. Этого потребовал от поэта замысел: нужно было многое сказать и показать на небольшой площади, необходимо было, оставаясь конкретным, привести читателя к общественно-политическим выводам.

Каждый персонаж в поэме поставлен в такие связи, чтобы мог выявиться возможно полнее. Существенна в этом роль контраста, приема, позволившего обнажать в столкновении крайние точки зрения. Позволяя персонажу раскрыться в поступке, поэт дает ему возможность и высказаться, а к слушаю — впрямую определяет его чаще всего народными словечками. Эти приемы создания характера общи почти для всех персонажей. Кроме того, существенна и роль интонации, которая в каждом случае уточняет отношение Викулова к своему персонажу и углубляет наше представление о герое.

Дверь открыла и — ах! И рукой по подолу:
— Да ужель это вы?! — И сама не своя,
привечая гостей, закружилась по дому
Маремьяна Васильевна, тетка моя...

Так С. Викулов впервые представляет читателю тетку Маремьяну. Будто слышишь ее напевный голос, видишь ее с этим характерным жестом деревен-

ской женщины — «рукой по подолу», с ее приветливостью и сноровистостью. Одинокая (муж ее Яков умер лет восемь назад, а дети «разлетелись» куда), она рада гостям, может быть, особенно потому, что устала от одиночества, не может забыть утраты. Не случайно каждый пустяк в поведении гостя напоминает ей о муже (« — Да кури... Сам-то вон как дымил... — И замолкла. И прямо, не мигая, глядела с минуту она...»). Но это вовсе не значит, что перед нами сломленный горем, тихий незаметный человек. Наоборот:

Тетка — баба не промах. Гроза! Кипяток!
По земле — никому ничего не должна —
по-хозяйски ступает сегодня она.
И касается всякое дело ее,
И суждение о деле у тетки свое.

Сначала повторяя, видимо, оценки односельчан, потом высказывая свое мнение, поэт набрасывает общий эскиз характера, а далее дополняет, уточняет его.

Скажем, в том, что тетке Маремьяне до всего дело есть и обо всем у нее свое мнение, — мы убеждаемся не раз. «В колхозе сей год клевера-то ди-и-кушшие! — говорит мне она. — А ведь чуть не порушили. Приезжал по весне тут один... енерал...». Какая смена интонаций: тут и радость удовлетворения, и сокрушение, и ирония. А и всего-то три кратких фразы! Но по ним уже угадывается характер героини.

Или вслушайтесь в слова Маремьяны Васильевны о пенсии, о которой она не хлопочет, хотя и верит в нее: «Писать не могу, неразборчивый почерк. Заслужила — дадут...» Сколько тут чувства собственного достоинства! Каждый такой штрих обогащает образ, делает его более убедительным.

Особенно впечатляющими являются в поэме образы Якова, старого коммуниста-фронтовика, и Кузьмы, ровесника поэта, товарища его детских игр, ставшего бригадиром в родной деревне. Это и закономерно, в этих образах нашла наиболее четкое выражение мысль о коренных переменах, наступающих в жизни деревни.

Всего какая-то страничка посвящена образу Якова, но С. Викулову удалось нарисовать характер подлинно эпической силы. Один из тех, кто даже в самые трудные годы не покинул деревню, не ушел от земли, участник Великой Отечественной войны, который с фронта «вернулся домой, да израненный весь», он «остатнюю силушку на кон всю поставил: стонать, мол, велика ли честь!». Это дало Якову право быть прямым, не бояться резких оценок, не мириться с кривдой, а суровая жизнь научила его преодолевать всякие трудности: «Пусть я, — скажет, бывало, — вызываю огонь на себя. Ничего... Я бывал под огнем!»

Вот эта готовность Якова жертвовать собой ради правды, верность его отчей земле и позволяет поэту говорить о нем крупно, по большому счету. Чтобы подчеркнуть особую значительность образа старого деревенского коммуниста, завершить его, Викулов очень уместно использует сравнение со старым деревом:

...Был похож он на дерево,
расщепленное молнией. (Стоя оно
умирало... Не твердо в бессмертие верило,
молодыми побегами окружено!)

И поясняет:

Было Якову трудно, но бился, не охал!
Потому, даже в те непогожие дни,
проросла его вера Кузьмой и Надежой —
как и сам он — партийцами стали они....

Емкость приема не только в том, что с помощью его удачно, выразительно рисуется Яков, но и в том, что он позволяет Викулову показать духовную связь Якова с молодым поколением, утвердить преемственность лучших традиций. Уже здесь заложена и общая характеристика Кузьмы и Надеих, тех людей, что определяют лицо сегодняшнего колхозного крестьянства. Именно от Якова, утверждает поэт, переняли они, став коммунистами, неунывность и прямоту, неистовость в работе и безмерную доброту к людям.

Той нотки жертвенности, что есть в облике Якова, уже нет в образе Кузьмы. В нем наиболее выразительно преломились сдвиги, произошедшие в сознании крестьянина за последние годы. Учитывая особую наполненность этого образа социальным смыслом, поэт несколько шире показывает его. Мы узнаем о Кузьме из рассказа Маремьяны, чувствуем ее уважение к нему, которое разделяет и автор, слышим самого героя, видим его глазами поэта.

В кратком, к «слову», рассказе тетки Маремьяны о спасении клеверов от ранней потравы, невыгодной для хозяйства, возникает и образ одного из последышей «знатоков из конторы «Утиль», требованию которого — скосить клевера — не подчинился Кузьма. Вслушайтесь, как прямо и веско умеет он сказать некогда всесильному уполномоченному (еще, впрочем, и сегодня не бессильному) свое слово, выразительность которого не исчезает даже при передаче через «вторые руки»: «Если ведает тот, как прямее проехать, пусть садится и правит! Бригаде нужна не красивая сводка — мол, грош ей цена».

Поэт одобряет поведение бригадира. Достаточно вспомнить факты совсем недавнего засилия толкачей, их господство в деревне, чтобы понять глубинный смысл этого поступка Кузьмы. Бригадир пони-

мает, что теперь — «не те времена», когда мужика, даже в ущерб интересам дела, могли «зажать». Кузьма — это тип колхозника — хозяина своей земли и своей судьбы, человека распрымившегося, человека свободной воли, который и «о будущем даже не прочь помечтать. И мечтает! А чаще считает, считает...». В нынешней деревне без этого никак нельзя.

Кузьма — не «винтик», не безропотный исполнитель навязанной ему кем-то роли. Знающий цену себе и себе подобным, раздумывающий о методах руководства, — а для многих руководителей «погонялка» и до сих пор остается главным средством управления, — он с уверенностью утверждает, что настоящему пахарю понукания не нужны. «Покудова в землю не брошено семя, хоть до пояса пусть отрастет борода, пахарь плуга не бросит», — он и земля — «в узел издревле накрепко связаны оба». Эти мысли бригадира выношены, продуманы до конца, потому-то так убежденно он и заявляет: «Трудно, да... Но и радостно это служенье: без упреков, без клятв, без биения в грудь». Вот отчего всяческое пустозвонство, создающее видимость бурной деятельности, раздражает Кузьму:

...А теперь — коли сев, то, конечно, «сраженье»,
коли жатва, то «битва»...
Послушаешь — жуть!
Шуму, треску! Гляди, телефон разорвется...
И приказ, и указ... И еще щелкопер
из газеты...
И все призывают «бороться».
С кем бороться — не ведаю я до сих пор.
Да и некогда, знаешь ли: столько работы!..

Хотя Кузьма и сам смущается этих своих по быльм временам так и вовсе невероятных мыслей, но ведь он глубоко прав. Викулов здесь очень тонко выразил действительное отношение колхозника-труже-

ника к этому никчемному шуму, которое и сам разделяет (припомним ироническое: «И мчит нас бывалый автобус... Мельтешат на щитах — только глянешь вперед — разноцветные цифры... А мало ли, много означают те цифры, сам черт не поймет...». Заметим, не только потому, что «пылит, пролетая, машина»).

Извечная крестьянская мудрость с существенной поправкой сегодняшнего дня чувствуется в рассуждениях Кузьмы, в его словах. И впрямь, не пора ли всем суматошным деятелям, что вокруг поля вертятся, заняться серьезным делом?! Как видим, размышления Кузьмы выходят далеко за окопицу родной деревни.

Чтобы показать неизмеримые силы такого человека, поэт набрасывает последние, завершающие штрихи. Нам открывается картина сенокоса:

На клеверном поле, у нас на виду,
люди, солнышком залиты, ставят скирду.
И Кузьма среди них.
Вот он, выпрямясь, встал.
Вот он запросто граблями небо достал,
двинул по боку тучку и шумную ношу,
подхватив, приподнял
и у ног положил.
И опять распрямился...

Глаз поэта с точностью объектива кинокамеры заснял происходящее. Зрительно картина очень верна, а в словесном оформлении ее ненавязчиво возникает второй план — подтекстовый, и все воспринимается как гипербола. Образ Кузьмы вырастает до размеров былинного богатыря.

В фольклоре «гиперболизация» является основным принципом в изображении эпических героев, основным художественным приемом, опирающимся

на мифологическое мировоззрение»¹, — утверждают К. Давлетов и В. Гацак. Но оказывается, и мировоззрение, чуждое мифологии, способно ужиться с гиперболой. Только сила героя С. Викулова объясняется не божественным происхождением, а тем, что Кузьма — не одиночка. Он — человек, связанный с другими людьми общностью коллективного труда. И уместность гиперболы в отношении его тем более очевидна, что именно в Кузьме — средоточие авторской мысли о силе и возможностях человека, обретающего чувство хозяина земли.

С такими людьми, как Кузьма, С. Викулов связывает свои надежды на будущее деревни, на ее обновление. Поэт ждет этого обновления, и, казалось бы, даже ничем не примечательные для постороннего глаза картины наполняются большим смыслом:

...тяжек и грозен,
на заброшенной пашне, упервшись плечом,
выдирает с корнями осины бульдозер
и замшелые пни — все ему ни почем!..

На заброшенной... Такого уж несколько десятилетий не бывало.

Внешние приметы нового, анализ социально-психологических перемен в людях и позволяют поэту заключить, что «строит деревня сегодня все заново: избы, клубы, дворы, психологию, быт», и увидеть «сквозь время» обнадеживающие перспективы, поверить в то, что «как в небе, широко мы шагнем и в деревне...».

* * *

«Поэма требует той зрелости таланта, которую дает опыт жизни, — писал В. Г. Белинский и уточ-

¹ К. Давлетов, В. Гацак. О происхождении народного героического эпоса.—«Русская литература», 1962, № 2, стр. 84.

нял далее, — ... поэма требует знания жизни, и людей, требует создания характеров...»¹. Во всеоружии жизненного и исторического опыта создавал С. Викулов свою поэму «Окнами на зарю», имея уже строго выверенные убеждения. И оптимизм поэта — это чувство человека, твердо стоящего на почве реальных фактов, уверенного в неуклонном поступательном движении жизни.

¹ В. Г. Белинский. Соч. в 3-х томах. Т. 3, М., ГИХЛ, 1948, стр. 386.

Глава третья

ХЛЕБ РАСТЕТ НА ПОЛОСЕ



Большой успех — всегда испытание. А можно ли повторить взятую высоту? Такой вопрос не мог не тревожить поэта. И Сергею Викулову после поэмы «Окнами на зарю» нелегко было сделать следующий значительный шаг. Три года вынашивал он свою новую поэму.

ПОЭТ ездит по деревням и селам Вологодчины, встречается с колхозниками, с руководителями артелей и районов, пишет очерки, явившиеся началом нового художественного поиска. В конце 1964 года в Северо-Западном книжном издательстве была опубликована книга его очерков «Свежие пласти». В них С. Викулов берется за самые актуальные, самые острые вопросы жизни современного села, нащупывая пути выхода деревни на путь подъема, на путь преодоления тех трудностей, что складывались десятилетиями.

...Перешел председатель крепкого колхоза «Россия» Тотемского района в слабое, отстающее хозяйство «Красное знамя» — С. Викулов встречается с ним, с его близкими и знакомыми, неделями живет в деревне, беседует с колхозниками. Его цель — понять мотивы перехода председателя в отстающий колхоз, сам характер этого человека, его деловые качества, отношение к нему других людей, колхозников, а также узнать предысторию колхоза «Красное знамя» и выяснить перспективы подъема его хозяйства. Так складывается очерк «Поднимающие «Красное знамя». Или вот другой очерк «Дорогой ценой» — о стиле работы председателя колхоза.

Очерки С. Викулова не лишены самостоятельного значения, но интересны скорее, как творческая лаборатория поэта-публициста. Они привлекательны острой заинтересованностью автора во всем, что касается современной деревни, стремлением найти какие-то позитивные решения в развитии сельского хозяйства.

...Весной 1965 года, в те дни, когда завершал свою работу мартовский Пленум ЦК КПСС, я встретил С. Викулова в редакции Вологодской районной газеты «Маяк». Он вошел возбужденный.

— Даешь командировку, Борис Александрович?

— На две недели в Дом творчества за информацией для «Маяка», — подхватил поэт Аркадий Сухарев, «комментатор» районного радиовещания.

— Нет, кроме шуток, просто машину. До «Родины». Там сегодня общее партийное.

Викулов тогда состоял на партийном учете в парторганизации колхоза «Родина».

— На техосмотре машина. Но... найдем... А что о Пленуме новое слышал? — отозвался редактор Борис Александрович Шабалин, нередкий спутник поэта на охоте и рыбалке.

— Читал восковки...

— И как?

— Сходи, прочитай сам, — отмахнулся, было, Сергей Васильевич, но не удержался и стал рассказывать: — По-моему, здорово, братцы. Прежде всего, по стилю — сугубо деловой. Сначала коротко об итогах, печальных итогах последних лет. И — меры, меры... Снова повышение закупочных цен на мясо, молоко, лен. Твердые планы закупки на пять лет, притом — исходя из сегодняшних возможностей колхозов. То, что сверх плана — по полуторным ценам. Техника, ассигнования. И особенное внимание — нашей, нечерноземной зоне.

Чувствовалось его большое настояще удовлетворение. Сбывалось то, ради чего все эти годы он неустанно работал.

— Главное, никто в планы колхозов вмешиваться не может. Никто! — И, чуть помедлив, добавил: — А про малолюдье и дороги пока ничего не сказано...

Сергей Викулов сознавал всю сложность этих проблем, решить которые сразу не так-то просто. Понимал он и то, что пока меры станут действительно-

стью, много воды утечет и много ради этого повоевать придется. Потому-то, уверенный в будущем села, он не спешил бить в литавры.

Так в поездках, размышлении, в настойчивой работе за письменным столом рождалась новая большая вещь Сергея Викулова — его деревенская повесть в стихах.

Поэма¹ «Против неба — на земле» (1966) на первый взгляд представляется не очень выигрышной. Материал, казалось бы, давно знаком. Мы узнаем все о том же: мало людей в деревне, молодежь уезжает; трудно крестьянину, и много он пьет; чего уж — дорог и то до сих пор нет, а о дорогах сельских Викулов писал еще за десять лет до этого в поэме «Трудное счастье» и т. д. и т. п. Поэт и сам прекрасно знает, что все это не ново! Но ценность поэмы в ином.

В деревне происходит ломка, равная по значению колхозификации. Начинается переход сельскохозяйственного труда на индустриальные рельсы. На экономической основе перестраивается управление людьми. Участвует в этом процессе не собственник, не единоличник с мелкобуржуазной психологией, — участвует наш, советский человек. Но готов ли к решению новых задач он, сегодняшний крестьянин?.. Чтобы ответить на такой вопрос, необходимо основательное знание социальной психологии деревенского жителя и условий его существования. Обрести это знание можно только в серьезном изучении новых по своему характеру противоречий деревенской жизни, причины которых во многом объясняются не изжитыми ранее трудностями.

¹ Так в дальнейшем для краткости будет называться это произведение, которое, впрочем, и сам Викулов в отдельном издании (М., «Сов. писатель», 1968) называет поэмой.

Наша поэзия в значительной своей части не умеет разобраться в этих противоречиях и, сталкиваясь со сложнейшими явлениями деревенской жизни, избегает разговора по существу. «Больше, чем когда-нибудь, мы нуждаемся в исследующей литературе, в поэзии, суммирующей противоречивую, диалектическую, находящуюся в процессе ускоренного роста нашу действительность»,¹ — писал А. В. Луначарский более сорока лет назад, но мысль эта актуальна до сих пор.

Одному из немногих среди тех, кто пишет о деревне, это трудное искусство дается — С. Викулову. И потому его поэма «Против неба — на земле» — единственная в своем роде.

Еще до сих пор нередко оценки жизненных явлений подгоняются под благостные концепции, погазетному поверхностные. В поэме Викулова я вижу прямую полемику с подобным подходом к отображению нашей действительности. Исследовать закономерности в жизни деревни, подойти к их изучению со всей объективностью и всесторонне — вот к чему стремится поэт в своем новом произведении.

Такой задаче как нельзя лучше соответствует выбор жанра — «деревенская повесть в стихах». В ней личность лирического героя как бы растворилась в отличие от поэмы «Окнами на зарю», где она стояла на первом плане.

* * *

В поэме нет строгого сюжета. События разворачиваются в ней по ходу времени и оформляются в отдельные главы-зарисовки. Начало поэмы представляет из себя развернутую экспозицию. Сюжет-

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 2, «Худож. лит.», 1964, стр. 339—340.

ные связи за счет столкновения персонажей и их отношений укрепляются во второй ее половине, точнее, с пятой главы.

Каждая глава поэмы имеет четко выраженное настроение. Сменяя одно настроение другим, С. Викулов достигает в звучании своей вещи полифонизма не только интонационного, но и смыслового.

Уже начальные строки приоткрывают общий замысел поэта:

С рожденья, скрытого во мгле
веков,
ничем не знаменита,
всем четырем ветрам открыта,
здесь,
против неба — на земле,
стоит она,
моя деревня...

Один на один — деревня, этот маленький, некогда устойчивый, веками складывающийся в своих традициях мирок, против неба, против большого встреного мира, ей противостоящего. Самая обычная деревня, каких тысячи, — с фермой, школой, клубом.

Обычна и история деревни: «в войну на двух ее посадах топилось сорок шесть печей», а потом из-за тяжких последствий войны, из-за трудностей послевоенных лет «стали избы Остреца редеть», и «смотрят на дорогу теперь из них десятка два».

Сергей Викулов стремится ни в чем не погрешить против правды, ни в чем не допустить фальши. Образ деревни в его поэме скромен и будничен, исполнен грустного настроения. Тихо и незаметно течет здесь жизнь, и все-таки есть в ней свои радости — дебаты у клуба, рыбалка... А в небесах — «сверхзвуковой турбинный рев», который «нездешним, неправдоподобным Степану кажется».. К бы..

лому возврата нет, — время неодолимо, — но надо понять, как деревне стать наравне с веком, от которого она явно поотсталла.

Поэт внимательно вглядывается в знакомые черты. Любое событие, каждый диалог в поэме обусловлены обыденностью деревенской жизни, интересами персонажей. Живописует поэт «кирюхино похмелье» — и понимаешь, что нельзя обойтись без такого живописания. Спорят Анисья и Кирилл, жить или не жить молодым в деревне — и чувствуешь, не могут они не высказаться о том, что наболело в душе.

Ритмико-интонационный строй каждой главы строго соответствует ее содержанию. Скажем, глава «В клубе». Спокойное, размеренное начало позволяет почувствовать обстановку, окунуться в нее, сжиться с ней:

В воскресенье в клуб набилось
всякой публики полно.
С часу там собранье было,
с четырех часов — кино.
Все порядочно устали,
но домой пока не шли:
не впервые — чего-то ждали...

А потом, когда уже гармошка пошла в дело, поэт переходит на частушечный лад и, хотя от себя, от автора, говорит, но мы будто и самого Лешку Чедрина слышим:

Уступи, звонкоголосая,
ему свои права,
чтобы Светка светлокосая
расслышала слова.

Причем Викулову удается слово использовать полно, емко, в нескольких измерениях. Скажем, в том же эпизоде пляски, когда парень не скрывает

своих чувств: «пусть подолы все и бороды узнают их секрет». Та же частушечная строка (чтобы убедиться, достаточно местоимение «их» заменить другим — «наш»), которая о событии рассказывает, и настроение передает, и раскрывает изнутри отношение парня к окружающему. Слова «подолы» и «бороды», бытующие в деревне, аналогичные городскому выражению «предки», заключают в себе добродушную иронию по отношению к старшим, стремление молодежи самоопределиться. А ведь внешне это речь автора!

В описаниях С. Викулов также достигает ясной поэтической выразительности, необходимой точности. Вот картина сенокоса: косит Иван Жарков, пожилой колхозник. И «не смолкает в утренней тиши коса, в траву ныряя, словно щука». Уже по этим двум строчкам не только видишь и слышишь происходящее, но и представляешь себе отчетливо, что Иван всю жизнь прожил в деревне, что она мила ему, дорога.

А вот четыре другие строчки, выполняющие и функцию описательности и открывающие новое в образе героя:

Здесь тишина. Но овода
золотобрюхие
нередко,
как пули, посланные метко,
все ж залетают и сюда.

Только в представлении фронтовика может возникнуть такая точная (и, на первый взгляд, такая далекая) ассоциация.

Или, например, заходит речь об Анисье: она «целый день на ногах. Даже походя ест. Городских-то случалось ей видывать, дам распирает решительно к этим годам. А она, словно жердь из осека, тонка, юбку Веркину носит — и та велика» (Верка —

дочь Анисыи. — В. О.). Здесь каждая фраза — близкое к поговорке народное речение, сравнения и те из крестьянского обихода. А в результате в нескольких строчках содержится не только регистрация фактов (к тому же вовсе не случайных!), но и отношение к ним Анисыи, и отношение к ней самой автора.

Викулову веришь, берется ли сам он рисовать картину, или дает слово своим персонажам. Понимаешь, что его в первую очередь интересует, чем живет крестьянин, каково его мироощущение, каков его взгляд на те условия, в которых он живет. Ведь это, в конечном счете, самое главное: никто, кроме как сам крестьянин, не может перевернуть жизнь в деревне — значит, его и понять надо в первую очередь.

— Уезжаешь?
— Уезжаю.
— Тесно, что ль, в родном дому?..

Так начинается стихотворение-сценка «Перед дорогой», написанное С. Викуловым лет на десять раньше. Поэт попытался определить и причину расставания с родной деревней. «Надоела — не работа — скука!», «праздники и свадьбы нас обходят стороной», запальчиво поясняет героиня. В чем-то существенном она права, и поэт по-человечески понимает запросы сельской девчонки.

С тех пор много воды утекло и немало стихов более мажорных, и романов даже, написано о том, как «беглецы» возвращаются в деревню. А у Викулова в поэме вдруг снова про то же: уходит из колхоза Алешка Чередин. Уход его — вовсе не частность. Пароходик, который увозит парня в город, становится грустным символом запустения деревни:

... молодого люда —
увез он сорок сороков,
наверное, отсюда.
На стройки, в вуз — кого куда...
Назад все эти годы
он возит внуков. Иногда
посылки, переводы...

Не первый и, поэт сознает, не последний в числе «сорока сороков» — Алексей Чередин: отлив молодежи из деревни продолжается. Правоту поэта подтверждает статистика: в 1970 году поток миграции из деревни в город составил по стране 1,9 миллиона человек, главным образом, за счет Северо-Запада, Центра, Сибири. Внимательный читатель найдет в поэме С. Викулова ответ, почему так происходит. Причем ответ не половинчатый, не односложный, а прямой и обстоятельный — как в разговоре начистоту.

Когда писатели «становятся публицистами, — писал Г. В. Плеханов, — даже художественному критику не остается ничего другого, как запастись оружием публициста»¹. Без помощи средств публицистических не представляется возможным анализировать и проблематику деревенской повести Викулова.

В стихотворении «Перед дорогой» поэт еще чуточку лукавил, когда утверждал, что не материальная нужда гонит девушку-доярку из деревни: вопросы оплаты труда тогда еще не были решены.

Теперь иное дело. «Ты что же? Зарабатываешь мало?» — спрашивает председатель у парня. И получает ответ: «Да нет... А оставаться не хочу!» Здесь все верно: крестьянин северной деревни с середины шестидесятых годов в основном уже жил ма-

¹ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв. в 5-ти томах. Т. V, М., Соцэкиз, 1958, стр. 48.

териально не хуже рабочего, а иногда и лучше.
И все-таки...

Припомним картины труда и быта деревни в обычный летний день, — их много в поэме, — и многое нам откроется.

Поэтично, живописно рисуется сенокос (думается, в значительной мере благодаря тому, что Викулов сам знает практически все крестьянские работы). Но главное — в ином. Вот одна сценка, словно в кино крупным планом: Светка тащится с ношкой травы после трудового дня, беспокоясь, как бы не увидели хищение! И не тащить нельзя — для коровы надо. А каково девчонке мучиться с ношкой, стыдом гореть? Кажется, ни масла, ни молока не захочешь, если ради этого надо «быть верблюдом, таскать траву то на горбу из поля, то в охапках...» Но без коровы в деревне не проживешь: молоко и сметану там в магазине — увы! — пока не продают. И помохи ждать не приходится: председатель никому «даже маленьких поблажек в смысле сена не дает».

Несколько позже на июльском (1969 года) Пленуме ЦК КПСС шла речь на эту тему: руководителям колхозов и совхозов было предложено обеспечивать кормами личный скот колхозников. Провести это решение в жизнь оказалось, однако, не просто. И до сих пор нередко сено достается колхознику так же трудно, как фронтовику, однорукому инвалиду Ивану Жаркову, который, работая на сенокосе из привычных «десяти процентов», косит «до дрожи в теле»:

Семь... восемь... девять махов
для артели,
десятый — самый трудный — для себя.
Устанет даже правая рука,
которой нет...

Вот так, почти физически ощутимо передавая тяжесть работы, С. Викулов говорит о том, что условия жизни в деревне не соответствуют сегодняшим возможностям.

Конечно, вопрос о личной буренке — частность, которая с годами утратит свое значение. Но из многих таких частностей, — а по важности они в разное время меняются местами, — складывается отношение к деревне. Оно проявляется хотя бы в том, что ежегодно из вологодских сел и деревень уезжают более шести тысяч парней и девчонок. А пожилые люди, хватившие лиха в былом, теперь, случается, просто не считают нужным задерживать их в селе. «Уходят все.... у молодых своя дорога!» — говорит Анисья, желая детям счастья и не понимая, что, может быть, их счастье именно в деревне. Социологи справедливо пишут о «бессознательном подчинении сложившимся в данном кругу стандартам поведения, моде»¹.

Тем более, что и теперь далеко не все причины, такую моду закрепившие, утратили под собою почву.

Общеизвестно, как велика еще разница в культурном обслуживании города и деревни. А вот для пьянства в любой деревушке есть «необходимые условия»:

Сдай, мол, магазину
шерсть, к примеру, с овец
аль яиц корзину,
и тогда пятью пять —
пей хоть до упаду!
Мне, мол, план выполнять
все одно надо.

...Припомним утро в избе Анисьи, колдовство над пирогом. Злополучный репродуктор, вешающий

¹ В. И. Староверов. Город или деревня. М., Политиздат, 1972, стр. 29.

ловами председателя: «Надо больше косить... Надо лучше доить... Надо совесть иметь...». Нельзя без улыбки воспринимать реакцию Анисы на это, но ведь и до сих пор «надо, надо, надо» — живуче, как единственный иногда метод работы с народом. И тогда «молодые люди чувствуют себя не столько хозяевами, сколько наемными рабочими сельскохозяйственного производства»¹.

Производственные отношения в деревне и организация труда особо занимают С. Викулова, ими определяются поступки персонажей. Ведь что побудило Алексея Чередина уехать из деревни? «Бывало, глянешь в поле, где трубил в страду, а там одна сурепка только. Обидно станет, верно. Даже горько...» — говорит он,

Административное, экономически не обоснованное вмешательство ставило хлебороба перед неутешительными результатами. Не удивительно, что колхозники охотнее работали не на общественном поле, а на приусадебном участке, которым они кормились и где каждый был сам себе и агрономом и председатель.

Странно, что это не всем оказалось понятным. «Начинаешь сомневаться в том, что, по мнению Викулова, явилось причиной неблагополучия в «Рассвете» — неправильное руководство или неизжитое чувство собственности у хлебороба, — пишет Г. Червяченко. — Как автор ни старается предостеречь читателя от такого раздвоения мыслей, — ему не удается в своей концепции свести концы с концами»².

¹ Миграция сельского населения. М., «Мысль», 1970, стр. 200.

² Г. Червяченко. Жанр больших возможностей. — «Дон», 1968, № 8, стр. 166.

Ответ критику содергится в словах молодого колхозника, мечтающего:

Чтобы не грядки — брюква да морковь, —
а поле мне покоя не давало,
чтобы оно — любовь, так уж любовь! —
не за рукав, а за душу держало!

Алексей Чередин выражает потребность в иной организации труда, необходимость которой была понятна к мартовскому (1965 года) Пленуму ЦК КПСС. Возможность перемен позвала Алексея вернуться в деревню...

Разумеется, С. Викулов не рассуждал в своей поэме ни о производственных отношениях, ни о культуре села. Просто он рассказал о жизни одной обыкновенной деревни, в ее обыденности показывая смысл многих явлений: иногда в яркой картине, в другом случае — в споре героев, порою — в развернутом высказывании персонажей или в авторской реплике.

Можно только поражаться основательности наблюдений, сделанных С. Викуловым в самостоятельном поиске. Ведь специальные социологические исследования по проблемам, которые он затрагивает, начали проводиться только в самые последние годы. И результаты таких исследований свидетельствуют о правоте поэта, об актуальности его деревенской повести.

* * *

«Поэтические позиции Сергея Викулова глубоко гражданственны, его деревня всегда социальна, актуальные современные проблемы, которые захлестывают ее, рассматриваются поэтом, я бы сказал, с «очерковой» пристрастностью, родственной пристрастности очерков Валентина Овечкина. Правда, публицистичность порой тускнеет от времени, кото-

рое само снимает отдельные проблемы, — пишет поэт Сергей Орлов и подчеркивает: — Но населенность поэмы живыми, интересными людьми, судьбы и характеры жителей колхозного села Острец, неразрывная трудовая и эмоциональная связь их с природой, которая в стихах поэта одухотворена и живописна, представляются мне значительными, непреходящими поэтическими открытиями мира...»¹.

Каждого своего героя С. Викулов рисует в деле. Невольно почувствуешь уважение к работе на земле, когда увидишь Анисью в огороде, где «молодеет и телом она и душой», споровисто двигаясь «между гряд ходуном, ходуном». А с какой радостью священодействует Анисья за кухонным столом, разделявая хлебы! Поэт примечает каждый ее жест, и именно в такое мгновение перед ним раскрывается вся жизнь пожилой колхозницы:

...Разрумянилась даже Анисья слегка.
Ощутила себя молодой-молодой,
той, какою была перед самой бедой,
не злосчастной вдовой — еще мужней женой,
и сединки у ней под платком — ни одной,
и девчушки малы еще, спят в пологу
(«Пусть, не поздно, успеют еще к пирогу»).
Хорошо на душе у Анисьи, светло...

Анисья — одна из тех женщин-солдаток, что перенесли на своих плечах всю тяжесть военных и послевоенных лет. Теперь, благословляя дочь в дорогу из деревни, она сама не поймет, а ладно ли это. Потому обрывает она грубо и свой разговор с Кириллом: «Я не министр тебе, орать-то! Я не ученая сама...» По одной такой фразе почувствуешь беспомощность женщины перед сложностью жизни сегодня.

¹ С. Орлов. Беспрерывность поиска. — «Литературная Россия», 1972, 22 сентября.

Судьба навсегда связала с деревней Кирилла Рубахина, хотя он и чуть старше анисьиной дочери, Кирилл — «неуч»: в годы войны, не кончив пятого класса, работал парень за взрослого. Теперь учиться поздно, поэтому путь в город ему заказан. Он вправе обижаться на жизнь: «И что ж, теперь за те мучения еще рассчитываться мне?..» Но гораздо сильнее обиды другая мысль:

Ну ладно. Выучатся все.
Все подадутся в город. В люди!
А жрать-то что, Анисья, будем?
Ведь хлеб-то — он на полосе
растет!
А неучей-то нет!

Сердцу поэта близка эта мысль, но он не идеализирует героя, показывает его без прикрас. Глава «Кириохино похмелье» — одна из сильнейших в повести. На первый взгляд — зачем эта глава? Издевательство над мужиком, который и так жизнью обижен? А рассказ, действительно, едко написан. Только Викулов на издевательство пойти не может. Ценит он таких людей, как Кирилл, на чьих плечах деревня в годину войны и после выстояла. Но и возмущен самым низким, что есть в нем — голodom до хмельного. А во хмелью такой человек и жалок, и груб, и нахален:

И пошли они — Степан,
а за ним — Кирюха.
И пошли — в руке рука,
ноги заплетая.
И была им узка
улица родная.
До избы не добрались,
сели под забором.
«Я люблю тебя, жизнь!» —
затянули хором.

И еще: «Не за так —
за свои мы пили!»
...Спал Кирюха в кустах,
а Степан — в крапиве.

Обыгryвая ритм известной песни «И пошли в руке рука, весело и дружно...», песни лирической, даже идиллической, Викулов достигает острейшей иронии, в которой и горечь и обида за мужика. Ведь, кроме работы, он и не знает ничего...

В иных целях поэт использует иронию, рисуя образ Евдохи-бригадира. Еще лет десять назад не было в северном селе фигуры более одиозной, чем бригадир. Ни на чью долю не приходилось столько ругательств сверху и снизу, сколько на долю бригадира. Человеку городскому странной причудой представится: «Жарища! А Евдоха валенки с галошами надел».

Только судите сами:

...бригада велика,
а людей, известно, маловато.
Оттого с восхода до заката
полон рот хлопот у мужика...

Тут не только переобуться забудешь...

Евдоха едва грамотен — и учиться некогда, а под нажимом сверху он и дедову науку землеведения забыл. Не мудрено, если перед рямыми агитаторами «умолкали даже деды, согласившись с тем, что наши беды происходят все от клеверов».

Каким сарказмом наполнен отрывок поэмы о том, как Евдоха-бригадир фотографировался для райгазеты в обнимку с кукурузой, стоя на коленях, чтоб «королева» повыше казалась! Это уже крестьянин, утративший свое достоинство. И чтобы добиться такой его покорности, сделано было немало.

Случилось, в пору хлебосдачи поступил бригадир по-человечески: выдал килограмма по три зерна из новины каждому работающему. Но начальство из района рассудило иначе:

— Стыд! Позор! Идешь на поводу у людей с отсталым самым взглядом!

И такую оценку дало бригадиру:

— Нет, не можешь ты, Крестов, с народом...
Мамино сердечко у тебя.

Здесь все перевернуто с ног на голову. Но такие оценки еще недавно выдавались за истину. И, усвоив их, бригадир, в свою очередь, сам упрекает Алексея Чередина: «Ты, брат, за длинным гонишься рублем...» Демагогические приемы руководства людьми даются легко, а другими овладевать Евдоха уже не способен.

Слабый по характеру человек, Евдоким не сумел выстоять, и поэт, понимая силу обстоятельств, даже сочувствует ему. Но по душе С. Викулову те люди, что не гнутся перед трудностями. Таков фронтовик Иван Жарков, который привлекает поэта не только трудолюбием, привязанностью к деревне и пониманием ее перспектив, в нем он уважает высокое достоинство советского крестьянина-колхозника.

Примечателен спор Ивана с огорожившимся крестьянским сыном, что на собственной «победе» едет в деревню в отпуск. По дурной привычке отпукник высокомерно посмеивается:

— Ох, тошно глядеть мне на вас, мужики!
Все те же, все те же вы собствен-ни-ки!
Плывете все вместе — лет тридцать тому! —
Гребете же всяк к бережку своему.
И, видно, придется кому-то не раз
руля довернуть, чтобы выправить вас.

Нет, двойственность души крестьянина — дело прошлое. Победа социалистических начал в его сознании доказана и в годы Великой Отечественной войны и в мирном труде. Об этом, возражая забывшему родство отпускнику, с гордой убежденностью говорит Иван Жарков:

— Вот эта... — Он правой потрогал рукав. — Я помню отлично: вот эта рука умела гранату и жало штыка, и нож, если надо, и просто кулак послать, от себя разогнувшись...

...Нас много таких...
И женщин, не только одних мужиков.
Их руки — и это не просто слова —
сгибались не год, землячок, и не два,
то хлеб отгружая, то лен теребя,
и чаще, скажу не соврав, от себя!

Люди колхозной деревни наших дней в разных измерениях, в полный рост встают со страниц деревенской повести С. Викулова. Сочно и выразительно рисуя их образы, поэт не скрывает теневых сторон. Но он умеет увидеть в них и то главное, что не всегда открывается постороннему взгляду за внешней простотой деревенского обитателя.

* * *

В поэме «Окнами на зарю» Сергей Викулов зарекомендовал себя вдумчивым историком и внимательным социологом. Обращаясь в прошлое своей деревенской повестью, поэт преследует иные задачи, хотя, может быть, и не менее значительные, чем раньше.

Не случайно поэма начинается главой «Шумит сосна». Поэт вспоминает былые годы, когда «пред-

седателем в войну была здесь Настя Корешкова». В немногих строчках рисуется образ женщины-крепостянки:

Не уступая мужику
ни в чем,
она была, ей-богу,
из тех, кто лошадь на скаку
остановить, не дрогнув, могут!
Строга — погляд из-под бровей, —
она из баб тянула жилы
за сыновей и за мужей,
что на войну ушли...

Ссылка на литературный источник да еще одна деталь — и мы видим живого человека. Поэт, казалось бы, вовсе не заботится о том, как читатель оценит Корешкову. Вряд ли кому теперь покажется привлекательным то, что она «из баб тянула жилы». Но стоит отметить, как дружно поддерживают ее солдатки, как она сама работает наравне со всеми, не жалея себя, чтобы понять ее большую правоту. В этом особенно убеждает картина спасения свеженакошенной ржи от дождя: народ умеет ценить свой труд, свое добро, знает, ради чего живет на земле.

Зачин поэмы раскрывает безграничное уважение поэта к хлеборобам, к традициям, что сложились десятилетиями коллективной жизни. Важно не утратить эти добрые традиции, и, обращаясь в прошлое, Сергей Викулов подхватывает эстафету мужества старших поколений, чтобы передать ее молодым.

На таких молодых людей, как Кирилл Рубахин, надежда плоха. Он вечный подданный деревни, но по нынешним временам у него образования мало, да и спиртным увлекается он сверх меры. Все свои надежды связывает поэт с людьми типа Алексея Чередина: образован, землю любит и технику знает... Поездивши по чужим краям, узнавши о возможнос-

ти благотворных перемен в деревне, он возвратился в Острец, вдали от которого жизнь ему не в радость:

что делать, раз уж он таков:
на выюгах яростных замешан,
на журавлиных зорях здешних,
на чистых струях родников.

Парень не обманулся. Последний раз мы встречаемся с ним возле комбайна у широкого ржаного разлива.

Скоро в поле! А оно не чье-то,
а оно родня тебе, оно
с первой борозды
твоей заботой,
ласкою твоей окружено,
Сам его вспахал ты, сам — не дядя!
И засеял тоже... Отчего ж
нынче не порадоваться, глядя,
как на поле том гуляет рожь?..

Сергей Викулов знает дотошно все, что происходит в деревне. Любую перемену отметит и порадуется ей. Вот и в Остреце:

...столбы сюда шагнули с нив...
И стоят, как смиренные кобылы,
домики на привязи у них.

Поэт нашел сильный впечатляющий образ, почти есенинский по своему настроению: «домики на привязи» у столбов, через нивы шагнувших из города, домики — «как смиренные кобылы».

Теперь деревня целиком и полностью зависит от города. Судьба деревни решается в городе. И от города зависит, останутся или нет в деревне такие, как Алексей Чередин, много таких...

Миграцию сельского населения не сведешь к одной причине — это С. Викулов убедительно показал

в своей поэме. Многое еще предстоит сделать. И тогда, надо полагать, приостановится поток молодежи, до сих пор устремляющейся в города. Поэт надеется на это: ведь не случайно поэму обрамляет образ сосны, что стоит под окнами избы Настасьи Корешковой...

И пусть Настасья теперь живет «у сына, где-то в Подмосковье», но нельзя забыть того, что сделала она для Родины в тяжкий для нее час, что отдала ей и что до сих пор отдает колхозник, бывший фронтовик Иван Жарков. Без преемственности традиций поколений нет будущего. В утверждении этой мысли — значение исторических отступлений в новой поэме С. Викулова.

Сама жизнь питает его надежды: добрых перемен в деревне много. Техники становится все больше. Все дальше проникают телевизоры. Ждут их и в далекой северной деревушке Острец, потому что

...можешь наяву
через то волшебное окошко
поглядеть на матушку Москву.
И хотя сама Москва при этом
и не видит, как ты тут, а все ж!..

Знаменательные слова!

До недавних пор Москва многое не видела, что в Остреце делалось. Да и сейчас еще не до всего сразу «руки доходят». Вот потому-то поэт и утверждает, что «есть причина постоять в раздумье на ветру».

Есть причина!

* * *

Для самого Сергея Викулова деревенская повесть в стихах «Против неба на земле» явилась именно таким раздумьем. Всесторонне исследуя действительность, поэт приходит к ясным бесспорным

выводам, своевременность и правота которых вскоре находит подтверждение в Постановлениях ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Партийная принципиальность, прочность связей с жизнью, способность последовательно разбираться в существе сложнейших социально-экономических проблем, — вот что характеризует С. Викулова как поэта-публициста. А его гражданский пафос определяет мысль о том, что мы обязаны научиться извлекать уроки из вчерашнего дня ради завтрашнего, а сегодня это завтра приближать к себе.

Казалось бы, поэт в своей деревенской повести взялся за непосильное: ведь материал, поднятый им, скорее, сырье для прозы, чем для поэзии. Но удачно избрав жанр и точно осознав цель, поэт шел к ней, убежденный в своей правоте. «Если стих живет не праздной жизнью, а работает, он выдерживает огромный груз прозаического житейского материала, ничуть не теряя в своей поэтичности»¹, — писал С. Я. Маршак. Поэма Сергея Викулова, на мой взгляд, удачно подтверждает справедливость этой мысли.

¹ С. Маршак. Воспитание словом. М., «Сов. писатель», 1961, стр. 78.

Глава четвертая

НОВЫЙ ПЕРЕВАЛ



Последние годы связаны со значительными переменами в жизни Сергея Викулова: поэт переезжает в Москву. Это совпало в его творчестве с началом нового этапа, который еще не завершился. Поэтическая манера Викулова, заметно обновленная, явилась не отказом от прежних достижений, но их закономерным развитием. Связь поэта с национальной почвой крепнет, захватывая все более широкие пластины жизни.

ЕЩЕ ЛЕТ пятнадцать назад в стихотворении «Своей тропинкой», размышляя о странствиях по глухим районам Вологодчины, Викулов писал о месте поэта в жизни:

О, я к тебе, золотоглавая,
еще приеду... Но пока
мне путь сюда, поскольку главная
еще не найдена строка...

Трудно сказать, найдена ли им «главная строка» теперь, потому что у каждого писателя лучшая книга всегда впереди. Но ясно одно: путь к «реке Поэзии» Викулов нашел верный. И справедливы слова Василия Федорова: «В северной Вологде возмужал и окреп Сергей Викулов, посвятивший свое талантливое перо колхозной деревне»¹. Именно — в Вологде. Здесь он нашел свою тему, сложился как самобытный поэт.

Однако уйти в сторону от привычного и оглядеться бывает необходимым для каждого писателя. Сейчас С. Викулов редактирует журнал «Наш современник», много ездит по стране. Я бы не сказал, что взгляд поэта на мир стал шире, — он и до сих пор не страдал односторонностью. Просто несколько изменились точки отсчета в оценке различных явлений, иным становится отбор материала.

В 1966 году на вопрос критика Евгения Осетрова о том, «кто умеет сочетать подлинную поэзию со злободневностью и публицистичностью», поэт Ярослав Смеляков, сам отличный мастер публицистики в стихе, ответил: «В последние годы хорошие образцы публицистической поэзии показывает Сер-

¹ В. Федоров. Пути развития поэзии Советской России (из доклада на III съезде писателей РСФСР). «Литературная газета», 1970, 25 марта.

гей Викулов... Поэт знает отлично деревенскую жизнь и свою любовь к труженикам земли передает в запоминающихся стихах»¹.

Разумеется, С. Викулов не утратил с тех пор качества, отмеченных Смеляковым. Но жанр публицистической поэмы был в значительной мере исчерпан поэтом. «Окнами на зарю» и «Против неба — на земле» завершали определенный этап его творческой работы.

Однако Викулов не собирался покидать пределы колхозной деревни. Ее сегодняшний день, русский национальный характер продолжают волновать его по-прежнему. Эта тематика последовательно развивается в книгах поэта «А всего и помнится...» (М., «Сов. писатель», 1971), «Плуг и борозда» (М., «Современник» 1972).

Стойкость и мужество видит С. Викулов в своих героях, их трудолюбие и верность родине, что проверялось самой жесткой мерой в годы войны. Это мужество живет и в сердце старой крестьянки Паласи («Не пришедшим с войны»). Велика ее утрата — муж и четверо сыновей погибли:

...Всю, как есть, породу
война перевела. Никто с тех пор
не приносил ей в избу в ведрах воду,
никто, кроме самой, не брал топор.

И, может быть, впервые в день открытия памятника на сельской улице «в память тех, кто отдал жизнь в войну», выплеснулось ее безмерное горе.

Точные слова находит поэт: в них жизнь старой крестьянки, которой «выпало под старость земельку обиживать» и довелось ту землю «в весну — на

¹ Ярослав Смеляков. Стой гражданской лиры. — «Литературная Россия», 1966, 11 февраля.

коровушках пластать». Интонации «плачей» слышатся в речи старухи. Да это и есть плач в его горькой поэтичности. И не внесли диссонанса в трудную правду жизни простые и сдержанные строки Викулова:

А галки все метались за оградой,
и все у рта платок держала мать...
И медлил председатель, стоя рядом,
речь начинать.

Будто само по себе кончилось стихотворение: тяжело сбылся ритм, нет более места словам...

Доброе чувство оставит и старуха-колхозница («Про бабу Грунью») из тех, кто в пору войны выстоял в нечеловеческом труде, когда «даже кони, не сдюжив, пали, — а уж как их берег колхоз!» Она и сейчас живет заботами об артельном хозяйстве и в любое время готова помочь делом. За это ценит, уважает ее председатель, привлекательный образ которого набросан поэтом в двух-трех штрихах.

Образ человека наших дней рисует и поэма «Песня о кузнеце» («Москва», 1972, № 1). В ней встречаемся мы с давним знакомым Иваном Шиловым. Это ему в конце 50-х годов посвятил Сергей Викулов свое стихотворение «Песня о друге». Роднит эти вещи единственное слово в названиях той и другой — «песня», за которым желание утвердить значительность своего героя. В «Песне о друге», polemически заостряя только некоторые черты героя, поэт рассказывал о нем. Теперь же, пользуясь спокойной повествовательной манерой, поэт рисует в очерковом плане развернутый образ кузнеца Ивана Шилова.

Есть в «Песне о кузнеце» картины былого и одна подробно прорисованная в деталях сцена дней сегодняшних — проводы в армию шестого сына, последнего. Есть в поэме полнота жизни, цельность

характера главного героя. Раскрывается он и в воспоминаниях поэта, который давно знает Ивана, и в собственных словах кузнеца.

Иван Шилов — человек большого трудолюбия и недюжинной силы. Однако Сергей Викулов по-прежнему не склонен идеализировать своего героя: неумерен кузнец в потреблении спиртного. А от упреков он отшучивается: «Дело в том, что силы воли мало, ну, а водки много... Вот и пью». За юмористической формой поэт скрывает свою серьезную озабоченность. Да и сам Иван Шилов не одними шутками живет: он задумывается о жизни, о смысле ее, гордится своими трудовыми руками, гордится и сыновьями. Он ощущает себя счастливым человеком, хотя и не свободен от тревог:

Но бывает — маюсь думой, старый:
вдруг да снова... грянет...
Ведь тогда
шестеро Ивановичей встанут,
встанут в строй для ратного труда.
Встанут молодые, стиснув зубы,
зная точно, биться за кого...
Родине, конечно, будет любо.
Ну, а нам-то с маткой каково?

Сам фронтовик, старый кузнец с горечью сознает, какой огромной жертвы требует война от каждой семьи. Но он верит в своих сыновей и знает, что они до конца будут преданы Родине. И нет в словах Ивана Шилова противопоставления личных, семейных интересов общественному долгу — есть единство разных граней отражения сложной жизненной проблемы.

Советский человек наших дней, не безгрешный, еще далеко не доросший до гармоничности, какою станут отличаться люди будущего общества, рисуется в поэме. И все-таки главное в нем — убежденность, преданность идеалам своей Родины.

По-прежнему волнует поэта завтрашний день: каким он будет. Сергей Викулов размышляет над этим, и своеобразное отражение его раздумий — стихотворение «Черемуха». Дерево с кипенью белых цветов в пору весны и с терпкостью черных ягод осенью, непременный обитатель деревенских улиц, черемуха на опустевшем посаде навевает невеселое чувство:

Куда ни протянет черемуха руки —
зовущие руки, — кругом пустота.
Ей сняться калитки знакомые звуки,
ей грезится окон резных высота...

А тоскует ли о черемухе хозяин, покинувший обжитое место? Поэту хочется верить в лучшее, хочется надеяться, что не опустеют лесные края. И надежду эту питает жизнь, — стучат топоры на новых срубах («Поднимайся, мой дом»):

Дом рубить посредине лета,
на виду у родных полей —
нет, не сыщешь — пройди полсвета —
дела этого веселей.

Стихи поэта разнообразны по темам и настроениям. Тревожит его, что тетерева — извечное достояние русского леса — почти перевелись («На тетеревином току»). Давит тяжким стыдом забытая русская песня, которая никак не приходит на память («Той киргизской дружеской вечеркой...»). А стихи «Летний дождь» и «Зимняя рыбалка» полны настроением счастья, радости. Они навеяны острым чувством сопричастности с народом и его судьбой, и это побуждает поэта связать воедино наши космические успехи с делами на земле («Плуг и борозда»). Сергей Викулов повторяет свою программу, заявленную в 1958 году (стихотворение «Живу на

земле»), но уже в иной — лирико-публицистической форме:

И если стала близкой нам звезда
далекая, —
скажи, не оттого ли,
что плуг не заржавел,
что в чистом поле
вновь обернулась хлебом борозда?

В изображении своих героев он не отказывается от привычных форм: стихи о женщинах-крестьянках и «Песня о кузнеце» написаны в прежней викуловской манере. Но С. Викулов ищет и новые возможности постижения народной жизни как в поэме, так и в лирическом стихотворении. От повествовательной поэмы, проникающей в острые проблемы деревенской жизни, поэт переходит к поэме обобщенно-лирического типа («Ив-гора», «Одна на век») — без обстоятельных описаний, даже без развернутых характеров, как раньше. Лирическое переживание, вобравшее в себя сгусток чувств и настроений, становится организующим началом его новых поэм. В смене настроений рождается поэтическая мысль.

Конечно, переход не дается безболезненно. Иногда обобщенность оборачивается общими местами. Не всегда четки и определены композиционные связи. Но поэт говорит в своих поэмах о главном: о том, что есть Родина, и о человеке, каких миллионы.

Стихотворения С. Викулова скрепляются теперь не сюжетом, а настроением (элегические) или мыслью (философско-лирические).

В элегических стихах, среди которых особенно выразителен цикл «Кисть рябины», человек открывается не в случае, не в конфликте, а в каком-то мгновении психологического состояния. Таким об-

разом, утратив динамичность, стихи Викулова обрели раздумчивость. Причем в размышлениях поэта нет холодности, они очень личные.

Не отказывается С. Викулов и от публицистики, но находит для нее новые жанровые формы и средства выразительности, добиваясь сплава ее с лирикой. Таковы лирические миниатюры о природе (цикл «Она не скажет»), представившие новый для поэта жанр. Необычен для него и сквозной философский подход, объединяющий цикл в единое целое.

И поэмы, окрашенные горьким лиризмом, и новые стихи С. Викулова, несмотря на разноплановость, служат общей цели: открыть людям красоту родины. Они требовательно будят в человеке чувство ответственности за землю, на которой он живет.

* * *

Есть очевидная близость — и жанровая и тематическая — поэм С. Викулова «Ив-гора» (1969) и «Одна навек» (1971).

Первую из них, обращаясь в 20—30-е годы, Викулов посвящает судьбе землепашца и красноармейца.

Рубака Первой Конной, «вшой не съеден, пулей пощажен» (и ничего более о фронтовом пути — поэт прав, рассчитывая на творческую роль читательского воображения), возвращается Иван после гражданской войны в родные края. Неудержимо желание героя потягаться с лесом силой, отнять у леса землю для пашни. «До чего же здорово, — не шашкой...» — радуется он, и узнается душа хлебороба, вынужденного в свое время сменить плуг на саблю, но оставшегося верным земле, не утратившим древнего народного представления о назначении человека.

ческом — жить, чтобы работать, потому что труд — смысл жизни.

Бешено работает мужик, вызывая удивление соседей (надо полагать, тоже не ленивых). Ради благополучия семьи старается. Так для чего же и революция была, завоевания которой он на войне отстаивал, если не для того, чтобы трудовой народ в довольстве жил. И викуловский герой —

Наполнял сусеки снова хлебом,
ставил сети, веря:

никогда,

Никогда еще неправым не был
труд! А он ли бегал от труда?!

Поведение бывшего буденновца исторически оправдано, психологически убедительно. Одной из целей нэпа было стимулировать крестьян к производительному труду на земле. По замыслу В. И. Ленина, крестьянин должен был постепенно втянуться в социалистическое строительство и в его ходе перевоспитаться. Но сбросить груз вековых традиций и привычек — не просто. Наверное, не без убеждений воевал Иван в рядах Первой Конной. Тогда он защищал свою землю, которую дала ему Советская власть. Однако усвоить новую, социалистическую меру соотношения личного и общественного к началу коллективизации мужик не успел.

С. Викулов убежден в очень существенном: должен крестьянин себя сравнивать с другими, иначе труд окажется «неправым». Контроль за мерой труда и мерой потребления не может быть единственным, если он не идет снизу, а снизу — значит от себя и себя с другими сравнивая. Сравнение для Ивана оказалось не в пользу других. Уравняться в положении даже с лентяями — нет, этого бывший красноармеец не может да и не хочет, и он решается «на единоличное житье» и «твердое задание».

Что ж, кого винить, что жизнь обернулась почти неизбежной трагедией: в непосильной работе надорвался мужик. Сознание непоправимой беды и вины перед семьей («...и вправду, горе бабе... у земли... без мужика»), горький опыт убедили его, фронтовика, до конца преданного Советской власти, в ее правоте и на этот раз. Его предсмертный совет жене: «Ты послушай... Ты к колхозу подавайся... Где тебе одной...» Высоким напряжением полна эта сцена.

Уходит из жизни русский человек, нежно, трепетно любивший Родину, но никогда, до смертного часа, не сказавший об этом суетного слова.

Смолоду
и молотом красиво
он умел, и шашкой — наповал.
И России, чьим рожденным сыном
был,
вовеки худа не желал.
Все отдал ей, сколько было, силы...

Исполненный драматизма реквием солдату-землепашцу, шашка и плуг которого служили Советской России, создал Сергей Викулов. Чувство беспредельного уважения к труду русского хлебороба и его верности Родине живет в поэме «Ив-гора».

А в другой поэме — «Одна навек» отразилась судьба сверстников поэта, «родившихся в начале двадцатых», чьи отцы тогда вернулись с фронтов гражданской войны. Обе поэмы, таким образом, объединены и последовательной временной связью, которая раскрывает преемственность патриотических традиций.

Пройдя сам всю войну, С. Викулов тем не менее в своем творчестве не сразу обратился к фронтовому опыту, как, например, его сверстники С. Орлов, М. Дудин, С. Наровчатов, А. Межиров и другие.

Лишь четверть века спустя он пишет о последствиях войны, о том, как она сказалась в мироощущении людей. Суровой неотступной памятью рождено стихотворение «Расплата». Убедительна патетика «Парада победы», потому что в ней находит выражение огромное личное чувство поэта-солдата, солдатского сына. Со многими другими русскими людьми разделил отец поэта «долюшку — растаять с дымом взрыва» («Отцу»).

Фронтовой опыт и опыт прожитых лет дали Сергею Викулову ясные проникновенные слова для поэмы «Одна навек». Это поэма о судьбе целого поколения, и потому обобщение в ней предельно широкое. Он и Она даже не названы. И говорит Сергей Викулов о самом главном для каждого. Родина, любовь, работа и — война, противопоставленная всему, что дорого человеку, чем человек жив.

Эта жестокая антитеза определяет и развитие художественной идеи С. Викулова и, соответственно, композицию его поэмы.

Сдержанными торжественными словами, в которых заключен замысел поэмы и которые могли бы быть к ней прологом, открывает С. Викулов публицистическое отступление своей лирической поэмы: «Достойна славы и печали судьба ровесников моих...». Это — судьба тех ребят, что, храня преданность отцам, швырнули в огонь войны свою жизнь. Самосознание фронтовика открыто С. Викулову. Солдат знает, что он защищает, и потому война, раз пришла она, — необходимость:

«Война, ребятушки, работа.
Ее — охота — не охота, —
а надо сделать до конца...»

Интересно, что и здесь, на фронте, под солдатской гимнастеркой — душа крестьянина, сказавшая-

ся своей особливостью: «ему б теперь пахать землицу, пахать! А он ее копал...». Рыл окопы солдат, помня свое истинное призвание и тем злее воюя с врагом.

Кратко и сильно рисует С. Викулов муку ожидания солдаток, тяжесть непомерного труда, свалившегося им на плечи. Поэт напоминает одну деталь — она знакома многим — «похоронки», которые немощный старик почтальон волей-неволей разносит по домам.

И каждый раз, как баба, рухнув
снопом,
бывало, заревет,
он говорил: «Поплачь, горюха...
Поплачь. Скорее заживет».

А что он мог сказать еще?!

За скупыми строчками стихов — жизнь каждой деревни, всего народа в тылу. И героиня — солдатская невеста несет общую со всеми ношу. Но даже получив последнее письмо, она надеется и ждет.

Для викуловского героя любовь к Родине и любовь к женщине — одно неделимое чувство. Потому верность представляется как высочайшая нравственная ценность личности. Это и утверждает С. Викулов эпилогом своей поэмы.

...Письмо было последнее, и все же выжил солдат. Из многих судеб, определенных войной («свадьба больше на поминки похожей все-таки была», — кругом вдовы), избрал поэт одну, счастливую, как бы утверждая силу верности и надежды. Поэт волен сделать выбор, но не вправе погрешить против правды жизни. И думается, С. Викулов остался ей верен.

Поэмы Викулова драматичны. Но если в первой источник трагизма — разлад героя, хорошего русского человека, со временем, со средой, то во второй

судьба героев отражает трагедию всего народа. Но та и другая поэмы, каждая по-своему, говорят об уважении поэта к трудовому человеку, о беспредельности любви его к Родине.

* * *

Сергей Викулов всегда с любовью рисовал картины природы русского Севера. Порою однако и в стихах и в поэмах пейзаж оставался только фоном, местом действия. В новых поэмах пейзажу отводится гораздо более значительная роль. Теперь картины природы — не только фон, а существенный компонент идейно-художественной структуры.

Характер Ивана в «Ив-горе» поймешь сразу в чем-то существенном, как увидишь его встречу с родным краем. Сергей Викулов нашел точную меру, открывая привязанность героя к деревне, к природе. Иван не изливается в словах, нет. Просто для него несказанное счастье «удочку, не шашку, занести, волнуясь, над плечом», оставшись один на один с озером да лесом. Мило все это Ивану, и потому верится: случись беда снова — и снова возьмется он за винтовку.

В поэме о судьбе фронтового поколения роль природы еще более значительна. Уже в начале в мажорном тоне, в котором лишь чуть слышно звучание тонкой горестной струны (юный герой поэмы еще не знает того, что уже пережил поэт вместе со своим народом), набросаны штрихи картины деревенской жизни, какая мила была парнишке. Небо и озеро, темная стена леса и деревушка, песня и девчонка, первая в жизни, — все это «навеки родина его». И он не знает иного счастья и не ищет. Здесь для него — простор и высь!

...он на берегу
беспечно и простоволосо
бежит под радугу-дугу.
Бежит, как будто хочет диво
достать рукой...

Ни на чем детально не останавливаясь, поэт показывает объемность большого прекрасного мира, открытого для мальчишки. Но он — не созерцатель, довольствующийся красотами мира. Он — сын своей крестьянской среды и деятелен, как и все в ней. В труде проявляется прочность его привязанности к Родине, еще не осознанная до конца, но уже воспитанная всем строем нашей жизни.

В этом убеждает картина сенокоса, развернутая шире, детальнее. Труд объединяет человека и природу, организует весь уклад жизни, самый строй чувств и даже определяет их выражение. Парень, идущий в цепи косарей, «вдруг почувствует спиною неравнодушный чей-то взгляд» — и «всю, до капли, вложит силу в замах разбойный — пусть она глядит, как косит он красиво...». Или он «на копну ее уронит и... поцелует сгоряча», а потом, виноватый, «кисть тяжелых спелых ягод протянет молчай в горсти»...

Поэтическая сенокосная пора... И не удивительно, что сама реальность преображается в сказку, и уже стога видятся как «на поле бранном былинные богатыри». Есть тут предоощущение будущих военных гроз. И есть высокий романтический отсвет в восприятии родного края:

Взойдет луна. Зажгутся звезды.
И ухнет филин на сосне.
Церковно-белые березы,
о чём-то вспомнив в полусне,
вдруг заляпичут
на забытом
древнеславянском языке...

Всхрапнув, ударит конь копытом,
плеснется рыбина в реке.
Смешаются и быль, и небыль...
Но сохранит навек душа,
но будет помнить -- где б он ни был --
п этот луг, и это небо
с луной над крышей шалаша.

Поэт раскрывает рождение интимнейшего чувства к Родине, которое дает человеку силу для подвига. А меру подвига, может быть, острее всего дает почувствовать последнее письмо солдата к любимой. Тайное тайных своей души, что можно выскать только в смертный час, выдает солдат (для него и пришел этот час: «на смерть вас посылаю», — прямо и суворо сказано комбатом). Тоскует солдат о той, которую не увидит больше, о сыне, которого теперь уже не будет: но пусть — ради этого стоит погибнуть! — родится другой мальчик и, —

Чтобы его утрами тропка
то в лес, то к озеру вела.
Чтоб гром гремел,
летела лодка
вперед
и радуга цвела!

Патриотическое чувство героя утверждает вечность жизни, заключая в себе высочайший гуманизм, и родилось оно здесь, в озерном краю, питаясь постоянным общением с природой родины. И горько, если источник этот станет людям безразличен. А бывает и так...

Напомню эпилог поэмы «Ив-гора». Умирая, тосковал Иван, жалея покидать родных и любимый отчий край, с тревогой обращаясь к детям:

...неужто вы, ребята,
это все забудете потом?

Неужель осинки да березки... —
ох, повоевал я с ними тут! —
вновь затопчут все мои полоски,
тропки все мои перебегут?..

Приходят спустя двадцать пять лет повзрослевшие дети, инженер и летчик, на могилу отца. Грустят и восхищаются прелестью мест, которые отец любил, говорят какие-то обязательные слова. Но возникает недоумение: эти слова не очень убедительны, риторичны, произносятся словно по обязанности, — так по обязанности насыпан холмик и поставлена оградка. Не потому ли, что Иван с войны шел сюда на родину, к труду, а они — запоздалыми гостями?..

Думается, С. Викулов хотел провести идею преемственности поколений, а ухватил иное — общее для многих безразличие к деревне, даже среди тех, кто из нее корнями. Неожиданность результата объясняется просто: мы слишком мало знаем прошлое сыновей Ивана, и потому образы их лишены поэтической конкретности и, понятно, не обретают убедительности.

Так или иначе, «забыл — не говори, что любил», — гласит чувашская пословица. А сколько таких, кто забывает... И не означает ли это если не утрату, то ослабление патриотического чувства? Вот почему Сергей Викулов напоминает о том простом деревенском мире, о мире русской природы, в котором миллионы людей совершили первый свой в жизни шаг.

* * *

Стихи Сергея Викулова снова и снова возвращают нас в излюбленный поэтом мир русской деревни, что радует общением с природой или с милыми, простыми в своей открытости людьми.

Отдых под стогом после охотничьих блужданий, «знойный запах сена» напомнят вдруг подругу дней юности и первое трепетное чувство, которое она пробудила, будто оживет в его непосредственности («Я вышел к стогу»). И не один из нас, наверное, вздохнет: «Ах, эта зимняя дорога и этот белый бег саней...» — представив нехитрую картину, набросанную рукой поэта в стихотворении «Зимняя дорога». И удивительно, что такое приблизительное, такое чуть ли не абсурдное сочетание, как «белый бег» волнует более всего, тревожит напоминанием позабытого. Не потому ли, что в наш век белых дорог с санным следом остается все меньше? Не многим уже доведется познать то:

Как дремлют стайкой на березе
чернее угля
поляши...
и скрип полозьев, скрип полозьев
мне словно песня для души...

Между тем, чувства, волнующие поэта, имеют глубокую жизненную основу. В стихотворении «Она мне матерью была» снова С. Викулов говорит — в который уж раз! — о своей привязанности к деревне, к деревне старой, но впервые, наверное, так открыто высказывает побудительные причины этого интереса. Поэт хорошо знает, что «приходит деревне старой... конец», но она была ему «смалу та же добрая мама». Это она ему «как мать, дала душу, слово, характер, силу». Она «научила любить Россию и добро отличать от зла», воспитала стойким, что весьма кстати оказалось «на великой на той войне». Свой неокупимый долг сознает поэт, и отсюда напряженность его строк:

И хорош бы я был, хорош,
если б вдруг, не признавши сына,
мама: «Чей ты?» — меня спросила
и «Откуда куда идешь?»

...Вот стою перед ней, седой,
нежно гляжу ее морщины,
не ребенок уже — мужчина,
кстати, тоже немолодой.

И умом понимаю: да,
отжила... А в полях моторы:
— От жила-а... —
словно эхо, вторят.
— От жила-а... —
гудят провода.

Но душой — хоть меня убей,
Хоть живым зарой вместе с нею! —
Я жалею маму, жалею,
низко кланяюсь в ноги ей...

Элегическую настроенность, характерную для этих стихов, с наибольшей выразительностью открывают осенние этюды «Кисть рябины» — автобиографический цикл в стихах. Викулов «даже в лирике своей эпичен, идет доверчиво к читателю с рассказом и пересказом»¹, — заметил однажды Д. Ковалев, и осенние этюды подтверждают его правоту. В них ожидают семейные рассказы (я бы даже сказал — преданья, не погрешив против истины, потому что и написаны они раздумчивым, чуть даже торжественным ладом, спокойно и размеренно, но семьи у нас преданий своих не ведут), всплывают в памяти картины деревенского детства, неспешно и внимательно рисуется день сегодняшний. Все это связывается образом самого поэта, для которого осень особенно мила, и единством настроения осенних мотивов.

Вот рождение сына в крестьянской семье — событие, запомнившееся виновнику торжества со слов матери. Точны бытовые приметы и приметы временные. Отец заходит взглянуть на сына: «в руках — рябина, в волосах — мякина» — осень. И рад он, смущен.

¹ Д. Ковалев. Память сердца. — «Литературная газета», 1971, 1 декабря.

щенный, да и радость вроде не совсем кстати: «Ох, Сережка с маткой! Ну что бы подождать! Один овин домолотить осталось». А женщина шутку в обиду не приняла, понимая неотложность осенних хлопот, тем более, что обыденность этих хлопот ей и самой мила: «А я могла цепом-то и любила!» Застенчивое внимание друг к другу почувствуешь в непрятязательном рассказе крестьянки. И откроется нам в благодушии двоих и их трудолюбие, и их удовлетворенность своим согласным житьем. В этой атмосфере общей умиротворенности кисть рябины — ой, сколько бывает ее осенью! — вырастает в символ негромкого, но прочного крестьянского счастья.

Неизъяснимую прелесть находит поэт и в нехитрых осенних радостях ребятишек. Есть «картошку, испеченную в костре», поддерживать огонь и видеть, как вместе с ними взрослые «дули на картошку, на корточки присев возле костра», — во всем этом счастье приобщения к труду взрослых. А труд взрослых обретает свой предметный итог, который Викулов выразил в емкой поэтической формуле: «и вечным благовестом урожая крестьянская их полнилась душа». И все, что ни сопровождает этот благовест, обретает черты торжественности и особого поэтического значения.

Мне и сейчас он помнится — «кру, кру!» —
Крик журавлей, на юг летящих клином,
И дым голубоватый над овином,
и дух ржаной наполовину с дымом,
и стук цепов согласных поутру.
И озимь,
как залог, что не на век
полям — снега,
а журавлям — чужбина,
что вновь у баньки зацветет рябина...
Лишь старше на год станет человек.

Повторяемость в природе, с одной стороны, и необратимость времени для человека, с другой—создают тот элегический настрой, который определяет эмоциональную атмосферу стихов. «Теперь те дни безмерно далеки», — с грустью констатирует поэт. Но вечна природа в ее извечных циклах, и стоит деревня, сохраняя дорогие черты былого, память о котором бережно хранит С. Викулов: «Нет, время, нет... Еще не все ты стерло, не все ты стерло в памяти моей».

Его неудержимой силой «тянет осенью в деревню». Природа, которая в ту пору кому-то кажется «унылой, печальной и безрадостной», поэту представляется «уставшей, как мать с новорожденным на груди. И просветленной...» И бесконечное очарование находит С. Викулов в том, что «омута полны листвой опавшей», что «просторны рощи и прозрачны воды...» Неспешными, несуетными словами пишет он: только такими и могут быть слова большой любви.

Это же свойственно тем стихам, в которых поэт рассказывает о повседневности бытия односельчан.

А в избах, у порогов, сапоги,
резиновые — нынешняя мода.
А в кадках —
леса дар и огорода,
а в печках — с мясом щи и пироги.
Спешить — куда?..
Начнется день едва —
а глядь, уже и вечер на крылечке.
И хлещет дождь в окошко.
И в припечке
потрескивают весело дрова.
На улице — глаз выколи — темно,
Но вон, светя фонариком неярким,
с работы возвращаются доярки,
ребята пробираются в кино.

А старики, спровадивши внучат, —
им не тягаться с ними: клуб не близок, —
позвывая, смотрят телевизор,
«Скорей бы подморозило», — ворчат.
Всю ночь капель: буль, буль...
А по утрам
опять дымы стекают с крыш покатых.
И, красные,
на белых комьях ваты
рябины кисти рдеют между рам.

Быт открывается в этих стихах в его эстетической содержательности. Поэтичность обыденного, может быть, особенно трудно постигается, но Викулову это удается.

Поэт не ищет красоты: даже «белые комья ваты» и «рябины кисти», что «рдеют между рам» — этот картиинный контраст взят прямо из жизни. Глаголы у Викулова не претендуют на метафоричность, которая в поэтической речи — одно из основных средств создания образа; они употреблены в прямом значении, вне их поэтически-выразительных функций. Казалось бы, использованные в стихах слова столь привычны и непримечательны, что без натяжки уместны в разговорной речи. Но отбор необходимых деталей создает ясную и целостную картину, живописную в своей простоте. А течение фразы, размежеванное, с плавными переходами, дает ту эмоциональную настроенность, которая точно передает психологическое состояние поэта.

Мир природы открывается в цикле миниатюр «Она не скажет», но уже в иной форме. Это — как разговор с читателем по поводу. Такой формой определяется некоторый рационализм и дидактичность стихов. Ощущение единства человека и природы — вот, наверное, то главное, что есть в цикле. И здесь природа видится поэту как мать человека, его формирующая;

...мы живем, запечатлев навеки
в душе
ее прекрасные черты...

Викулов понимает высокое одухотворяющее влияние природы, но не боится сказать и об ее утилитарной пользе. В афористической форме он выражает, на первый взгляд, противоречивые мысли, но эти противоречия зовут человека к гармонии с природой.

Мы порою слишком небрежны к своему достоянию. Есть сорт людей, для которых лес — только дрова, но ведь для лесных обитателей он — дом. И поэт настойчиво взывает:

Не учиняй в чужом дому разбой,
топор вгоняя в комель с разворота
лишь только потому,
что пред тобой
в тот дом
всегда
распахнуты ворота.

Глубоким нравственным зарядом наделены эти миниатюры: «Старые учебники по эстетике, — замечает Е. Осетров, — любили противопоставлять красоту поэзии практической пользе. Но мне хочется назвать стихи Викулова полезными, ибо в них я вижу редкостное совпадение эстетического с этическим. Явление нечастое, но весьма примечательное»¹.

Река, оглушенная взрывом браконьера, ее загаженные берега и захламленное русло, переломанные деревья, напрасно убитая в лесу птица — о, сколько раз видел это поэт, да и каждый из нас тоже! Но каждый ли проникался таким тревожным чувством, как он, каждый ли сознавал, что «увы: Природа безъязыка»?..

¹ Е. Осетров. Судьба ровесников моих. — «Молодая гвардия», 1972, № 9, стр. 300.

Безвозвратно ушло то время, когда человек отвоевывал себе жизненное пространство в природе, пугаясь ее могучей, казалось, непоколебимой силы. Теперь «роли» переменились. «Природа мать ждет милостей от нас. Взять их у нас она, увы, не может», — пишет С. Викулов. В наш век расцвета техники эта мысль поэта особенно актуальна.

По многим приметам очевидно, что миниатюры о природе — стихи нашего современника. Викулов не оставляет незамеченным, «как на площадях шуршит асфальт от шин, горят неоны», как «сотрясают небо стадионы» и т. п., что является неотъемлемым в жизни человека в наши дни. Поэт принимает все это, но его, как и многих других горожан, которые «от блеска рамп и праведных трудов» устремляются из города, «чтоб надышаться воздухом равнин», влечет на природу.

Недаром он заявляет в своих стихах:

Когда бы я не знал,
как бьет хвостом
на звонкой жилке щука,
как под осень
ядреный рыжик, стоя под кустом,
росу как будто в рюмочке подносит;
как журавли отчальную трубят,
как эхо
повторяет рев лосиной, —
боюсь, я не любил бы так тебя,
как я сейчас люблю тебя, Россия.

Природа родины питает патриотическое чувство поэта. И оно по проводам высокого эмоционального напряжения идет к людям.

* * *

Жизнь художника в искусстве, как правило, активна и содержательна до тех пор, пока он не утра-

тил способность развиваться. На новом, пока еще не сложившемся окончательно этапе своей поэтической работы Сергей Викулов показал интересное и неожиданное в чем-то многообразие своих возможностей. Ему доступен и нежный лиризм элегии, и острые polemичность публицистического стиха, и развернутое повествование, и философски глубокий, отточенный афоризм. Горячей болью сказались в творчестве поэта память минувшей войны, память детства рождены трогательно светлые строки о деревне — причем то и другое волнует подлинностью любви поэта к Родине.

Поэмы «Ив-гора», «Одна навек», циклы стихов «Она не скажет» и «Кисть рябины», оригинальные и самобытные, стали заметными вехами в творчестве Сергея Викулова. А художнический поиск продолжается, поскольку, говоря словами поэта, сердце его «не сковано равнодушием, мысль ясна, а рука, держащая перо, тверда и нетороплива».

Заключение

Пройдя путь в поэзии длиною четверть века, Сергей Викулов определился как самостоятельный мастер со своей темой, своим голосом. Его стихотворения и поэмы широко открыли нам двери в мир русской деревни, показали целую галерею образов людей труда. Не случайно А. Метченко называл С. Викулова в числе тех писателей, которые, по его мнению, «обогатили советскую литературу, углубили ее народность, освещая проблемы «деревенской» жизни, сосредоточивая внимание на самобытных народных характерах»¹.

В ранних вещах Викулов еще занят собою, удовлетворяется частными наблюдениями. Его герой изолирован от дыхания эпохи, от горячих проблем, а если и связан с отражением какой-то проблемы, то пассивно, страдательно. Созерцательность усугублялась и слабостью мастерства. Большую роль в становлении поэта сыграло постепенное постижение им народной жизни, поэтическое овладение богатствами народной речевой культуры. На этом пути добрую услугу оказал опыт старших современников — М. Исаковского, Н. Рыленкова. Особенно важной стала близость к А. Твардовскому, гуманизм поэзии которого, ее жизнеутверждение и последовательный

¹ А. Метченко. Человек и прогресс. — «Правда», 1972, 1 февраля.

демократизм, проявившийся как в выборе героев, так и в использовании художественных средств, явились для С. Викулова хорошей школой гражданской зрелости.

От схематизма и облегченности ранних вещей поэт пришел к разностороннему отражению жизни народной. Как известно, способность «передать настроение широких масс»¹ В. И. Ленин считал одним из условий народности писателя. Не удовлетворяясь внешней описательностью, С. Викулов стремится понять настроения колхозников, мироощущение своего героя-крестьянина.

Постигнуть реалистический склад ума героев С. Викулову помогло и серьезное изучение деревенских проблем, и освоение фольклора. Особенno значительной оказалась для поэта роль пословиц и поговорок, которые, по словам А. М. Горького, «образцово формулируют весь жизненный, социально-исторический опыт народа»².

Используя поговорку в речи персонажа, Викулов и собственную фразу строит в том же духе, добиваясь стилевого единства и постигая народное миропонимание:

...Утро в нашей избе начиналось блинами.
С пилу — прямо на стол! Успевай подбирать!
Мама рада была, коль мы ели в охоту:
— Каковы на еду, таковы на работу!
Понимала, что нам не руками махать
уготована доля, а землю пахать.

С помощью поговорки поэт умеет выразить даже мысль отвлеченную, сложную по своему политическому характеру, как это имеет место в поэмах «Окнами на зарю» и «Против неба — на земле».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 20, стр. 20.

² А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 24, М., ГИХЛ, стр. 493.

Итак, поэтический язык Викулова складывается под непосредственным влиянием афористической народной речи. Именно народность языка становится одним из коренных условий его успеха.

Образы тружеников современной колхозной деревни открываются поэту в их жизненной противоречивости и глубокой содержательности. Более того, в своих произведениях — от поэмы «Конек на крыше» (1957) до поэмы «Ив-гора» (1969) — С. Викулову удалось показать путь крестьянина к социалистическому сознанию.

Поэт не склонен скрывать темных сторон в быту крестьянина и его характере: «...как пороки, так и добродетели всякого народа — результат его исторического развития и ...следовательно, он ни в тех, ни в других не виноват»¹. С. Викулов доискивается причин слабостей своего героя, уважая, с одной стороны, нравственные традиции трудового русского крестьянства, а с другой — высокое достоинство советского человека.

Образы кузнеца Ивана Шилова, сельских коммунистов Якова и Кузьмы, старого фронтовика колхозника Ивана Жаркова и молодого механизатора Лешки Чередина, Анны Павловны и многочисленных женщин-колхозниц — таково многообразие деревенских типов в произведениях С. Викулова. В выборе героев и в средствах их изображения в полной мере проявился демократизм поэта — традиция, явившаяся одним из главных достижений русской классической литературы.

Рисуя в разных жанрах сельский мир и его людей, С. Викулов не остается при этом поэтом только крестьянским. В своем творчестве он не знает той

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. О литературе. М., «Искусство», 1953, стр. 24.

узости и ограниченности, которая характерна для «мужиковствующих» поэтов 20-х годов (Н. Клюев, С. Клычков) или, скажем, П. Радимова с его утилитаризмом. Если Викулов ставит вопросы о деревне, то вопросы это такие, которые волновали все общество и в решении которых был заинтересован каждый советский человек. В характере героев поэт глубоко и верно выделяет черты социалистического сознания, патриотическую сущность их убеждений.

Однако Викулов никогда не откращивался от крестьянского корня. Постигнув высоту современной культуры, поэт тем не менее гордится своим происхождением. Там, в деревне, справедливо видит он истоки национальной культуры русского народа, которую сам усвоил, впитал с детских лет.

«О народности художественного творчества можно говорить лишь тогда, — замечает Ю. Барабаш, — когда налицо признаки органического слияния идеала творца с народными эстетическими и нравственными представлениями»¹. Творчество С. Викулова подтверждает эту мысль исследователя. Не говоря о поэмах, даже в его миниатюрах о природе, далеких в своей поэтике от форм народного творчества и от обыденного разговорного языка, проявляется истинно народный взгляд на явления действительности.

Все это и определяет место Сергея Викулова в поэзии наших дней. В критике стало общепризнанным, что он, как никто другой, полно показал жизнь русской деревни за два последние десятилетия.

Своеобразие С. Викулова отчетливо выделяется

¹ Ю. Барабаш. О народности. М., «Сов. писатель», 1970, стр. 26.

на фоне того, что писали в шестидесятые годы другие поэты, его современники, так или иначе обращаясь к деревенскому материалу.

Назовем в первую очередь Александра Яшина с его обостренной совестливостью и чуткостью к народной нравственности. Рядом — «непосредственное, сохраненное от детских лет восприятие деревенской России с ее пейзажем и крестьянским бытом»¹ в лирике Дмитрия Ковалева. Интерес к деревне, ее людям и их нравственному миру сближает Викулова и с Николаем Старшиновым (поэма «Милая мельница»). А «романтический, увиденный сквозь фольклорно-сказочную призму мир современной деревни»² в поэзии Николая Тряпкина подчеркивает трезвую, жесткую реалистичность стихов и поэм Викулова. Переклички с ним заметны также в поэзии Леонида Решетникова. В лучших своих вещах он владеет самобытностью крестьянской речи, и стих его порою повествователен. Правда, иногда Решетников грешит коверканьем языка, что ведет его к примитиву.

Думается, поэтический опыт Сергея Викулова не остался безразличным для его младших современников, что вслед за ним писали о жизни деревни наших дней, — Дмитрия Благова, Владимира Цыбина, Александра Романова. Прямой предшественник Цыбина в поэтике — Павел Васильев, но проблематически молодому поэту оказался ближе Викулов. Не без влияния Викулова обратился в свое время к сюжетному стихотворению и А. Романов. Использование этой формы оказалось преходящим для него, поскольку не соответствовало лирическому скла-

¹ А. Михайлов. Тысячелистная книга поэзии. — «Коммунист», 1967, № 7, стр. 40.

² Н. Баников. У заповедных истоков. — «Литературная Россия», 1969, 28 ноября.

ду дарования, но помогло ему поэтически самоопределиться.

Несомненно влияние С. Викулова на Ольгу Фокину — в постижении народного характера и на Виктора Коротаева — в самом обращении к деревенской теме и выработке гражданской позиции.

Влияние С. Викулова оказывается и в лирике молодого поэта из Смоленска Алексея Мишина.

Явно опосредована Викуловым и большая поэма Ивана Николюкина «Россия начинается с избы». Однако путанные представления молодого поэта о деревне, неумение точно определить свою позицию пагубно оказались на этой вещи.

Любое заметное литературное явление не остается без резонанса. Поэзия Сергея Викулова в этом смысле — не исключение. Его поэтический мир заявил себя во всей характерности и значительности только в последнее десятилетие. Стих еще слишком горяч, не остыл от быстробегущего дня. Потому и рано, может быть, в подробностях говорить о связях и взаимовлияниях, можно только приблизительно определить круг родственных явлений. Однако то, что творчество Сергея Викулова несет в себе немало жизненного и перспективного для современной советской поэзии, очевидно уже и теперь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая. Путь к себе	8
Глава вторая. «...Ты вся началась с деревень»	48
Глава третья. Хлеб растет на полосе	81
Глава четвертая. Новый перевал	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128

Василий Александрович Оботуров
НА ЗЕМЛЕ ЖИВУ

Редактор *В. К. Лиханова*

Оформление *Э. В. Фролова*

Художественный редактор *В. С. Вежливцев*

Технический редактор *Н. Б. Буйновская*

Корректор *А. А. Фонтейнес*

Сдано в набор 3/VII 1973 г. Подписано к печати 3/IX 1973 г.
Формат бум. 70×90/32. (бум. типогр. № 3). Физ. печ. л. 4,26.
Усл. печ. л. 4,97. Уч.-изд. л. 5,572. Тираж 5000. ГЕ00765.
Заказ 4290. Цена 22 коп.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного издательства,
Вологда, Ветошкина, 37.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

В Северо-Западном книжном издательстве
в 1973 году вышли книги:

Виктор Астафьев. Ясным ли днем. Повес-
ти и рассказы.

Николай Леонтьев. Михайло Ломоносов.
Драматическая поэма.

Владимир Личутин. Белая горница. По-
весть и очерки.

В. Степанов. У родного крыльца. Рассказы.

Покупайте книги северных писателей в магази-
нах облкниготорга и облпотребкооперации.